92 6/11

92 6/11

А. И. Бѣлинскій.

Съ кѣмъ мы дружили.

(Историческій очеркъ русско-нѣмецкихъ отношеній).

Весь чистый сборъ отъ продажи этой брошюры поступитъ на нужды военнаго времени.

МОГИЛЕВЪ ГУБ.
Типографія І. Б. Клаза и М. Л. Кагана.
1914.

92 6/11

А. И. Бѣлинскій.

Съ кѣмъ мы дружили.

(Историческій очеркъ русско-нѣмецкихъ отношеній).

76/1

Весь чистый сборъ отъ продажи этой брошюры поступитъ на нужды военнаго времени.

МОГИЛЕВЪ ГУБ.
Типографія І. Б. Клаза и М. Л. Кагана.
1914.

Печатать разрѣшено. Военный цензоръ, Могилевскій Вице-Губернаторъ въ званіи Камеръ-Юнкера Высочайшаго Двора

Князь Друцкой-Сокольнинскій.

30 ноября 1914 года.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1258296

Съ кѣмъ мы дружили.

(Историческій очеркъ русско-нѣмецкихъ отношеній).

Русское государство, волею судебъ поставленное на границѣ между двумя мірами—Западомъ и Востокомъ, испытываетъ на себѣ всѣ неудобства такого положенія. Издавна, почти со дня своего политическаго рожденія, оно служитъ предметомъ вожделѣнныхъ помысловъ своихъ сосѣдей справа и слѣва. Тѣсно кому-нибудь у себя на родинѣ, надо расширить границы государства, невольно вниманіе такихъ приковываетъ къ себѣ матушка Россія. Вздумается кому погулять на просторѣ, поискать себѣ богатства и славы, идетъ онъ на Русь, она „велика и обильна". Родится на свѣтъ авантюристъ, онъ побываетъ въ Россіи, попытаетъ въ ней счастья и иногда въ мутной водѣ наловитъ рыбы. Съ сѣвера и съ юга, съ востока и съ запада мчались и мчатся на Русь полки любителей легкой наживы. Точно по мановенію волшебнаго жезла народы Востока шли на Западъ, народы Запада на Востокъ, и всѣ попадали въ Россію. Малокультурные народы Востока безъ всякой теоріи, по инерціи шли туда, куда народы запада стали стремиться въ силу строго обдуманнаго принципа, выраженнаго нѣмцами въ трехъ словахъ. „Drang nach Osten".

Отгораживаясь отъ вліянія „Азіатскаго востока", приносившаго въ былыя времена нашей родинѣ много горя, грозившаго всегда мечомъ, предки наши отдаленныхъ и близкихъ къ намъ временъ сравнительно благосклонно смотрѣли на Западъ, содѣйствуя тѣмъ самымъ западнымъ сосѣдямъ въ ихъ стремленіи на Востокъ.

Западно-европейская культура, покорившая себѣ многіе умы и сердца нашихъ соотечественниковъ еще въ XVI—XVII в.в., въ XVIII в. пробила огромную брешь въ той стѣнѣ, которою благочестивые умы отгораживались отъ

„латыньскаго Запада“ въ XV в. и раньше. Въ первую голову богатые бояре и дворяне, за ними цари и простой народъ благоговѣйно склонили свои головы предъ тѣми благами, которыя шли съ Запада, предъ тѣми носителями культуры, которые умѣло и очень дешево пріобрѣтали себѣ расположеніе русскаго народа.—Были времена въ исторіи нашего государства, когда эти „прелестники“ въ овечьихъ шкурахъ выпускали искусно скрытыя, хорошо отточенныя когти и начинали терзать здоровый организмъ нашего государства. Но такія времена скоро проходили, и русскій народъ не замѣчалъ небольшой царапины на организмѣ отечества, сдѣланной неопрятной рукой „культурнаго Западника“, пренебрежительно обращавшагося съ „полуварварской“ Россіей.

Подчиняясь вліянію различныхъ западныхъ народностей, наводнявшихъ наше отечество, оно мало-по-малу втягивалось въ круговоротъ европейской жизни, служа обыкновенно интересамъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ „друзей“. За мишурныя прелести Запада, за то пріятельское отношеніе, которыми снисходительно „культурный“ другъ жаловалъ „полуварвара“ русскаго, наше отечество частенько платило дорогой монетой; оно жертвовало, между прочимъ, молодымъ здоровымъ войскомъ, поливавшимъ во имя дружбы дорогою славянскою кровью Западно-европейскія поля, дѣлавшіяся часто ареной борьбы между „культурными“ сосѣдями Запада.

И за всѣ свои жертвы, за всю свою любезность Россія рѣдко что-нибудь получала кромѣ неблагодарности.—Настоящая война съ нѣмецкимъ міромъ есть отвѣтъ Германіи и Австріи на тѣ спасительные шаги Россіи, которымъ эти державы обязаны ей своимъ существованіемъ; отвѣтъ на ту чрезвычайную любезность, которою мы старались очаровать „культурнаго нѣмца“. Приторно ему самому стало отъ заискиваній слишкомъ гнувшихся предъ нимъ сосѣдей, старавшихся заявить свою признательность на каждомъ шагу; надоѣли ему покорные рабы со своими услугами.

Рѣшилъ онъ эти любезности размѣнять на болѣе реальную монету, перестроивъ границы своихъ и добрососѣдскихъ владѣній.

Интересно прослѣдить, какъ складывались отношенія русскаго государства къ нѣмецкому міру въ теченіе вѣковой исторіи нашего государства.

Сосѣдями съ нѣмцами мы стали не со вчерашняго дня. Близко познакомились съ ними наши предки въ концѣ XII в., въ эпоху, такъ называемыхъ, „крестовыхъ походовъ“. [1])—Въ половинѣ XII в. одинъ Бременскій корабль бурею былъ занесенъ къ устью Западной Двины. Нѣмцы нашли мѣсто высадки удобнымъ для торговли съ восточными сосѣдями-славянами и рѣшили здѣсь основать колонію. Монахъ Мейнгардъ, присланный сюда изъ Бремена для проповѣди Христова ученія, положилъ начало городу Динагольму, который былъ укрѣпленъ, чтобы новые поселенцы могли найти себѣ за его твердынями защиту отъ нападенія туземцевъ. Скоро колонія получила и войско въ лицѣ духовно-рыцарскаго ордена „меченосцевъ“ (братьевъ Христова воинства). Хорошо вооруженные рыцари стали насаждать новую вѣру „огнемъ и мечомъ“, постепенно подчиняя своему ордену новые народы и земли. Насажденіе христіанства отошло на задній планъ. Знамя Христово стало для рыцарей только рекламой, за которой прятались хорошо отточенные мечи, грозившіе въ любой моментъ упасть на неосторожныхъ сосѣдей.

Эсты и латыши, среди которыхъ поселились меченосцы, первые испытали на себѣ тяжелую руку пришельцевъ. Воинственные рыцари грозили совершенно уничтожить обезпокоившихся туземцевъ.— Большой воинскій пылъ и твердая рука завоевателей показались опасными и нашимъ предкамъ, которые помнили, что еще не такъ давно (до половины XII в.) земли (между Зап. Двиной и Фин-

[1]) Славяне же вообще стали вести борьбу съ нѣмцами еще во времена Карла Великаго (IX в.), который подчинилъ своей власти нѣкоторыя славянскія племена.

скимъ заливомъ), подпавшія подъ власть нѣмцевъ, были ихъ собственностью, принадлежали дому Рюрика. Полочане, Новгородцы, Псковичи пришли на помощь эстамъ и латышамъ. Но не могли теперь русскіе вернуть себѣ этихъ земель Рюрика. Не доставало имъ того единодушія, которымъ отличались враги; а послѣдніе, кромѣ того, скоро получили себѣ помощь отъ новаго духовно-рыцарскаго ордена тевтоновъ, поселившагося по сосѣдству съ мечеиосцами въ землѣ пруссовъ.

Тевтонскій рыцарскій орденъ Св. Дѣвы Маріи былъ приглашенъ изъ Палестины княземъ Мазовецкаго удѣла Конрадомъ, просившимъ у ордена помощи противъ пруссовъ, безпощадно грабившихъ его владѣнія. Первые Тевтонскіе рыцари прибыли въ Мазовію въ 1229 году и заняли переданную имъ Конрадомъ Хельминскую землю. Скоро они подъ предводительствомъ своего магистра Германа Бальке вступили въ кровавую борьбу съ пруссами и др. язычниками. Въ завоеванныхъ земляхъ тевтоны основали рядъ колоній и построили нѣсколько крѣпостей: Торунь (Торнъ), Хельмно (Кульмъ), Ельблонгъ (Эльбингъ), Бродницу, Гейльсбергъ и др. Отсюда они предприняли рядъ завоеваній на Югѣ и Востокѣ—въ Польшѣ и Русской землѣ.

Соединенныя силы двухъ орденовъ въ сороковыхъ годахъ XIII столѣтія напали на русскую землю, подчинили себѣ часть владѣній Полоцкихъ князей, овладѣли Юрьевомъ (Лифл.), успѣли взять крѣпкій городъ Псковъ съ пригородомъ Изборскомъ. Но скоро были принуждены уйти изъ завоеванныхъ областей, проигравъ большое сраженіе на льду Чудского озера въ 1242 году. Героемъ этого сраженія былъ Вел. кн. Александръ Невскій.—Такъ начали нѣмцы свой „натискъ на Востокъ“

Дальнѣйшему ихъ движенію въ эту сторону долго (до 1299 г.) мѣшалъ Псковскій князь Довмонтъ (Тимоѳей), принимавшій, между прочимъ, участіе въ большой битвѣ (Раковорской—при Везенбергѣ), гдѣ потерпѣли крупное

пораженіе рыцари Ливонскаго ордена (меченосцы). [1]) Побѣды, одержанныя Александромъ и Довмонтомъ надъ нѣмцами, были столь значительны, что долго они не рѣшались вновь напасть на русскую землю. Наоборотъ, сами русскіе перешли въ наступленіе, хотя вели войны и не всегда удачно (пораженіе русскихъ Плеттенбергомъ у Изборска и Пскова).

Правда, ихъ (нѣмцевъ) вниманіе въ это время было обращено на Польшу, которую они думали подчинить своему вліянію. Дѣло въ томъ, что Польша въ правленіе первыхъ королей изъ династіи Пястовъ во время завоевательныхъ войнъ, веденныхъ ими, потеряла массу народу. Этому обезлюдѣнію содѣйствовали и домашнія войны изъ-за удѣловъ. Вслѣдствіе большой убыли въ населеніи страна обѣднѣла, доходы княжеской казны уменьшились. Правительство пресѣкая это зло, рѣшило привлечь въ страну иноземцевъ Сюда хлынули нѣмецкіе колонисты, а за ними уже съ прямой цѣлью завоеванія пошли рыцари. Колонистами „у подножія старыхъ городовъ въ Польшѣ были построены самые первые нѣмецкіе города: Вроцлавъ, Плоцкъ, Краковъ Познань, Лигница, Сандомиръ, Бохня, Корчинъ,“ которыми пестрятъ теперь страницы газетъ. Жилось колонистамъ хорошо; они пользовались даже самоуправленіемъ („нѣмецкое право“). Впослѣдствіи эти мирные поселенцы неоднократно доставляли много хлопотъ польскому правительству, помогая своимъ сородичамъ въ завоеваніи Польши. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же самымъ явленіемъ, которое повторялось во Франціи предъ 1870—71-мъ г. г. и привело ее къ разгрому, и въ Россіи, куда германское правительство высылало мирныхъ завоевателей, подготовлявшихъ почву для воинскаго набѣга (Нѣмецкая колонизація прибалтійскихъ и южно—русскихъ земель). Однако рыцарямъ (тевтонамъ)

[1]) Оба эти князя за свои ратные подвиги, которыми они спасли отъ нѣмецкаго засилья русскую землю на зарѣ ея существованія, причислены церковью къ лику святыхъ. Останки Александра Невскаго хранятся въ Александро-Невской лаврѣ въ Петроградѣ;—останки Довмонта (Тимоѳея) въ Псковѣ, въ каѳедральномъ соборѣ во имя Св. Троицы.

и тутъ не повезло. Они потерпѣли нѣсколько чувствительныхъ пораженій (при Пловцахъ въ 1331 году, при Грюнвальдѣ въ 1410 г.—исходъ боя тутъ былъ рѣшенъ Смоленскими полками подъ начальствомъ Юрія Лугвеніевича,—подъ Вилькоміромъ въ 1435 г.) и должны были послѣ тяжелой тридцатилѣтней войны въ 1466 г. заключить миръ (въ Торнѣ), по которому признали надъ собою верховную власть польскаго короля и уступили Польшѣ Поморье и часть Западной Пруссіи (Королевская Пруссія).

Однако нѣмцы не забыли совсѣмъ русской земли. Но, не надѣясь уже на силу меча, они рѣшили испытать здѣсь силу рубля. Низкій уровень цивилизаціи нашихъ предковъ, повидимому, обѣщалъ имъ успѣхъ. Считая себя призванными къ роли опекуновъ надъ хозяйственною жизнью русскихъ, съ которыми они вели торговлю уже въ самомъ началѣ XI в., нѣмцы завели на Руси широкія предпріятія. Центромъ торговли въ XI в. былъ Кіевъ, куда пріѣзжали верхнегерманскіе и рейнскіе купцы и вымѣнивали здѣсь и покупали какъ русскіе товары, такъ и византійскіе, индійскіе, восточные, попадавшіе сюда благодаря торговымъ сношеніямъ русскихъ съ Востокомъ. Въ XII в. центръ нѣмецкой торговли съ русскими былъ перенесенъ на сѣверъ. Главнымъ торговымъ городомъ тутъ сдѣлался Новгородъ. До послѣдней четверти XII вѣка въ Новгородъ пріѣзжали торговать нѣмецкіе купцы съ острова Готланда изъ гор. Визби. Путь для этой торговли нѣмцы открыли не сами. Великій Новгородъ до нихъ торговалъ съ Готландскими („готскими“) купцами, имѣвшими въ Новгородѣ торговый дворъ и церковь (Св. Олафа). Поселившись въ Визби, нѣмцы по слѣдамъ „Готскихъ“ купцовъ проникли въ Новгородъ и пріобрѣли крупное значеніе въ торговлѣ этого города. По примѣру готландцевъ они устроили здѣсь свой торговый дворъ во имя Св. Николая. Въ восьмидесятыхъ годахъ XII в. на ряду съ готскими и нѣмецкими купцами изъ гор. Визби въ Новгородѣ появились нѣмецкіе купцы изъ Любека и др. германскихъ городовъ, которые устро-

ились здѣсь тоже отдѣльнымъ обществомъ, „дворомъ“, получившимъ названіе „Двора Св. Петра“. Нѣмцы изъ гор. Визби скоро закрыли свой торговый дворъ (Св. Николая), продали постройки и присоединились къ „двору Св. Петра“ Этому двору и принадлежала главная роль въ торговлѣ нѣмцевъ съ торговою столицею русскаго государства. Дважды въ годъ (зимой и лѣтомъ) груженые нѣмецкими товарами корабли и повозки изъ Финскаго залива чрезъ Неву, Ладожское озеро, по Волхову направлялись въ Новгородъ.

Однако нельзя сказать, чтобы русскіе люди слишкомъ благосклонно относились къ жившимъ среди нихъ нѣмецкимъ купцамъ. Послѣдніе въ видахъ самозащиты должны были выработать строгую организацію при своемъ „дворѣ“ предусматривавшую возможныя столкновенія съ туземцами. Свидѣтелемъ такой организаціи остался кодексъ законовъ— Scrâ (Скра), составленный въ XII в. Интересно отмѣтить, что нѣмцы никогда не держали при себѣ кассовыхъ остатковъ, которые отправлялись первоначально въ Визби въ казну Св. Петра при церкви Св. Дѣвы Маріи, а потомъ, когда руководящую роль въ торговлѣ получилъ Любекъ, въ казну этого города. Надо думать, что такая операція диктовалась предосторожностью.

Кромѣ Новгорода нѣмцы вели торговлю съ Псковомъ, „младшимъ братомъ Великаго Новгорода, съ Полоцкомъ, Витебскомъ и др. Но тутъ они не могли такъ широко развить своихъ операцій, какъ въ Новгородѣ. Ревнивые къ своимъ интересамъ Псковичи, напримѣръ не, пустили ихъ даже въ городъ, и нѣмцы принуждены были построить свой дворъ въ одномъ изъ предмѣстій Пскова.

Въ концѣ XIII в. отношенія между русскими и назойливыми нѣмцами уже настолько испортились, что послѣдніе, въ видахъ воздѣйствія на русское купечество, принуждены были прибѣгнуть къ бойкоту русскихъ товаровъ (1168—69 г.г., 1278 г. и др.). Но купечество наше къ этому времени было уже настолько сильно, что отдѣльные

нѣмецкіе города не могли выдержать борьбу съ нимъ. Поэтому, они объединялись въ союзы, которые продолжали торговыя дѣла на Руси. Особенное значеніе для нашей торговли получилъ союзъ германскихъ городовъ, извѣстный подъ именемъ Ганзы. Расцвѣтъ Ганзы относится къ XIII и XIV в. в. Въ XV в. начинается ея упадокъ, а XVI-ый вѣкъ былъ уже послѣднимъ вѣкомъ существованія Ганзы. Польско-литовская унія, разгромъ ордена при Танненбергѣ, Торнскій миръ были началомъ паденія Ганзы, и только „купеческая жадность и въ частности специфическая южногерманская настойчивость помогли Ганзейцамъ не утратить (въ концѣ XV и XVI в.в.) этихъ наиболѣе опасныхъ пунктовъ нѣмецкой внѣшней торговли“ (Новгорода и Пскова). Несмотря на то, что „торговые склады часто подвергались нападеніямъ, разорялись, сожигались“, нѣмцы все-таки не хотѣли уходить изъ русскаго государства, пока въ ихъ средѣ не возникли серьезныя разногласія, и „въ сѣть ганзейскихъ интригъ вторглась губительная десница московскихъ царей“. Во время завоеванія Новгорода Иваномъ III-мъ ганзейскіе купцы были разорены, но черезъ нѣкоторое время оправились и продолжали торговлю. Въ 1494 г. послѣ того, какъ въ Ревелѣ были сожжены два русскихъ (фальшивомонетчикъ и уличенный въ противуестественномъ развратномъ поведеніи), „толпа, руководимая царскимъ тайнымъ писцомъ Василіемъ Жукомъ и Данилой Мансыревымъ, напала на нѣмецкій гостиный дворъ и захватила въ плѣнъ всѣхъ его обитателей.... товары ихъ, стоимость которыхъ равнялась милліону гульденовъ (золотыхъ), были захвачены“. Въ 1497 году нѣмцы были освобождены и выѣхали на родину. Но въ 1519 г. снова явились въ Новгородъ и завели торговлю на старомъ Петровскомъ дворѣ. Торговля эта влачила жалкое существованіе. Напрасно нѣмцы добивались старыхъ привилегій. Лебединая ихъ пѣсня была спѣта. Нѣмецкій міръ ослабѣлъ, раздираемый смутами, современными реформаціи. Между тѣмъ нѣмецкому владычеству въ Россіи скоро былъ нанесенъ новый ударъ. Въ 1558 г., какъ извѣстно,

Иванъ Васильевичъ Грозный началъ войну съ Ливоніей. Не имѣя силъ противостоять русскимъ полкамъ, ливонцы сочли за лучшее отдаться подъ покровительство своихъ добрыхъ сосѣдей—шведовъ, датчанъ и поляковъ, которые разодрали орденскія владѣнія на куски и тѣмъ положили конецъ сѣверной колоніи средневѣковыхъ нѣмцевъ (1560—1561 г.г.).

Однако „милые“ нѣмцы такъ любили Россію, что готовы были забыть старыя пощечины, неоднократно полученныя за время ихъ пребыванія въ русской землѣ, и искали случая, чтобы снова похлѣбнѣе устроиться въ предѣлахъ нашей родины. Рядъ милостей, вырванныхъ нѣмцами у слабаго Ѳеодора Ивановича и хитраго Бориса Годунова, не создалъ все-таки имъ сколько-нибудь сноснаго положенія. Нѣмецкая торговля не стала лучше руинъ того „двора Св. Петра“, въ которомъ они продолжали торговать.

Провожаемые презрѣніемъ русскаго народа, раздираемые алчностью внутри себя, они должны были покинуть русскіе предѣлы, когда началась смута на Руси, когда „великая разруха“ перехватила тѣ источники, къ которымъ присасывались нѣмецкія піявки. (Поистинѣ, не бываетъ худа безъ добра).

Скоро такое же бѣдствіе обрушилось и на саму Германію. Тридцать лѣтъ терзали ее внѣшніе и внутренніе враги. Нѣмцы обезсилѣли, имъ было не до Россіи. Послѣ Вестфальскаго мира (1648 г.) раздробленная Германія не въ силахъ была вести агрессивную борьбу съ сосѣдями. Но своихъ связей съ нашей родиной нѣмцы окончательно не порвали.

Если раньше въ Россію ихъ толкала жажда воинской славы и легкой наживы, то теперь, когда русское государство окрѣпло и перестало бояться нѣмецкаго могущества, нѣмцы стали появляться здѣсь по зову нашихъ царей, устраивавшихъ свою державу. Безобидные сосѣди не могли отказаться отъ завиднаго приглашенія. И вотъ въ рядахъ арміи, на заводахъ и въ мастерскихъ, при большихъ по-

стройкахъ, въ роли лѣкарей и ученыхъ, въ качествѣ „комедійныхъ дѣлъ мастеровъ“ видимъ мы въ Московской Руси нѣмцевъ въ большомъ количествѣ. Уже въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича въ Москвѣ жило около 1000 протестантскихъ нѣмецкихъ семей. При слѣдующихъ царяхъ притокъ нѣмцевъ на Русь продолжался.

Являясь сюда со своими привычками и обычаями, пришельцы, служа дѣлу, на которое ихъ призвали, невольно стали „проводниками западно-европейской культуры въ такихъ сферахъ Московской жизни, гдѣ она еще не требовалась насущными матеріальными нуждами государства“. „У московскихъ людей вдругъ народилось непреодолимое влеченіе къ европейскому комфорту, удобствамъ, увеселеніямъ. Въ домахъ московской знати появились заграничныя бездѣлушки, картины, музыкальные инструменты и т. д. У самого Царя Алексѣя Михайловича во дворцѣ во время вечерняго стола „нѣмчинъ въ органы игралъ, въ трубы трубили и по литаврамъ били“. „Царь и бояре начали выѣзжать въ нарядныхъ нѣмецкихъ каретахъ, обитыхъ бархатомъ, съ хрустальными стеклами, украшенныхъ живописью“. На мѣсто плохихъ деревянныхъ построекъ бояре начали строить каменныя палаты, обставляя ихъ на иноземный ладъ. Развилась страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ, осмѣлились даже на эту „бѣсовскую игру, пакость душевную“ взглянуть благосклонно. Подобная ломка московскихъ обычаевъ стала возможна потому, что въ это время совершался важный культурный переломъ. Идея о „Москвѣ—третьемъ Римѣ“, о московитахъ—„избранномъ Израилѣ“ понемногу уступала мѣсто новому идейному теченію о культурномъ превосходствѣ Запада, о пользѣ тѣснаго общенія съ нимъ, о необходимости тамъ кое-чему поучиться. Но осторожные московскіе люди учителями старались выбирать протестантовъ. (Католиковъ по своимъ религіознымъ соображеніямъ они гнушались).

Долго продолжался періодъ мирныхъ отношеній двухъ почти всегда враждовавшихъ націй. Долго русскіе люди не

имѣли случая осквернить свое оружіе въ нѣмецкой крови. Однако скоро наступила реакція. Великій преобразователь русскій—Петръ, обученный нѣмцами и др. пришельцами съ запада, поставилъ русскій народъ близко къ своимъ учителямъ, но эти послѣдніе не сумѣли расположить къ себѣ народъ. Наоборотъ, своей безтактностью вызвали сильное раздраженіе русскихъ. Затишье, какъ всегда, было передъ бурей. Надо имѣть въ виду, что къ этому времени на Западѣ сформировались новыя силы, которыя обѣщали Россіи немало хлопотъ.

Уже въ XVII в. состоялось основаніе того государства, которое оказалось способнымъ вновь ввести германскій міръ въ семью европейскихъ народовъ и государствъ. Событіе это долгое время оставалось незамѣченнымъ, и только тогда, когда новорожденное дѣтище при случаѣ показало свои зубы, сосѣди поняли, съ какимъ отмѣннымъ экземпляромъ имѣютъ дѣло. Мы говоримъ о Пруссіи. Сформированіе этого гнѣзда принадлежитъ нынѣ позорно царствующей, проклинаемой всѣмъ культурнымъ міромъ династіи Гогенцоллерновъ. Одинъ изъ членовъ названной фамиліи (Альбрехтъ Бранденбургскій) былъ гросмейстеромъ знакомаго намъ Тевтонскаго ордена; въ 1525 г. онъ превратилъ свои владѣнія въ герцогство Прусское, поставивъ его въ ленную зависимость отъ польскаго короля. Мало-по-малу первоначальныя владѣнія Альбрехта, ядромъ которыхъ былъ Бранденбургъ, расширялись, такъ что основатель Пруссіи (монархіи) курфюрстъ Бранденбургскій Фридрикъ-Вильгельмъ (1640—1688 г.г.) уже получилъ въ управленіе области, находившіяся, правда, въ политическомъ и экономическомъ упадкѣ, по Эльбѣ, Гавелю, Шпрее и Рейну (Клеве)—(тутъ хозяйничали шведы и габсбурги.)

Богато одаренный Фридрихъ-Вильгельмъ, прозванный Великимъ курфюрстомъ, быстро привелъ въ порядокъ разстроенные финансы, выкупилъ государственныя имущества, бывшія въ залогѣ, привелъ въ подчиненіе строптивое населеніе отдѣльныхъ областей, изъ которыхъ склеивалъ новую

державу, создалъ войско и сталъ ждать случая испытать свои силы. Онъ скоро принялъ участіе въ войнѣ шведовъ съ поляками сперва на сторонѣ первыхъ, а потомъ въ союзѣ съ послѣдними. Отъ Швеціи за услуги онъ получилъ въ ленъ Пруссію и помогъ за это Карлу X Густаву разбить поляковъ при Варшавѣ (28 30 іюля 1656 г.). Недовольный союзомъ со Швеціей онъ сблизился съ Польшей, которая по договору въ Велау (29 сент. 1657 г.) признала независимость Пруссіи, уничтоживъ условіе о ленномъ подчиненіи ей ордена, сочиненное послѣ боя при Танненбергѣ. Въ благодарность за это Фридрихъ-Вильгельмъ 28 іюня 1675 г. разбилъ при Фербеллинѣ полки Карла X Густава, воевавшаго съ Польшей. Своему сыну Великій Курфюрстъ оставилъ государство, устроеное внутри, сильное своимъ испытаннымъ въ бояхъ войскомъ, уже прославленное побѣдами надъ внѣшними врагами. Фридриху III-му оставалось использовать это положеніе. Въ 1701 году онъ получилъ отъ Леопольда 1-го за помощь въ борьбѣ за Испанское наслѣдство королевскій титулъ по герцогству Пруссіи и сталъ зваться Фридрихомъ 1-мъ, возложивъ королевскую корону на себя и свою супругу, въ Кенигсбергѣ (Крулевцѣ) 18-го января 1701 года. Въ 1713 году по Утрехтскому миру молодое королевство пріобрѣло новыя владѣнія по нижнему Рейну (Гельдернъ).—Съ этого времени надо говорить уже объ отношеніи Россіи къ королевству Пруссіи.

Оба эти государства выросли на поляхъ битвы, окрѣпли геніемъ своихъ правителей и пришли на смѣну устарѣвшихъ когда-то блестящихъ державъ—Польши и Швеціи.

Но Пруссія не объединила всего нѣмецкаго міра. По сосѣдству съ Россіей съ давнихъ временъ существовала вторая нѣмецкая держава—Австрія, гдѣ съ середины XV в. царствуютъ Габсбурги. Постоянныя смуты внутри этой державы, вызывавшіяся династическими, религіозными и національными столкновеніями, долго не позволяли ей стать въ близкія отношенія къ нашей родинѣ. Съ другой стороны, сами русскіе, повидимому, не искали близкаго знакомства

съ Австріей, какъ страной, гдѣ свило себѣ гнѣздо католичество. Однако во времена стародавнія наши южно-русскіе князья вели иногда оживленныя сношенія съ народами, входившими въ составъ Австро-Венгріи. Князь Даніилъ Галицкій часто вмѣшивался въ дѣла Венгріи, Чехіи, Австрійскаго герцогства, приглашалъ оттуда колонистовъ для заселенія свободныхъ русскихъ земель, искалъ помощи на Западѣ противъ татаръ и т. д. Владѣнія Австріи были когда-то очень велики, но потомъ мало-по-малу расползлись по чужимъ рукамъ. Впрочемъ, границы этого государства никогда не отличались устойчивостью — то расширялись, то сокращались. Въ XVI в. Габсбургамъ принадлежала Испанія, Неаполь, Сардинія, Австрія съ Каринтіей и Тиролемъ, Нидерланды съ восточной частью Бургундіи и область Шароле по верхнему теченію Луары (во Франціи), Чехія и сѣв.-зап. часть Венгріи. Въ XVII в. владѣнія фамиліи уменьшились: отпала часть Нидерландовъ, былъ потерянъ Эльзасъ, Руссильонъ, Артуа, Франшъ-Конте и Лузація. Эти потери только отчасти вознаграждались завоеваніемъ у Турціи большей части Венгріи. Въ первой половинѣ XVIII в. монархія Габсбурговъ состояла изъ королевствъ—Чехіи съ Силезіей и Венгріи, эрцгерцогства Австріи, герцогства Каринтіи, графства Тироля, Бельгіи, Люксембурга и Ломбардіи. Таковы были владѣнія этой державы къ тому времени, когда русскіе приняли близкое участіе въ судьбахъ Австріи.

Рѣдко когда отношенія между нашей родиной и двумя нѣмецкими державами были добрососѣдскими. Прямодушіе и искренность русскихъ людей постоянно наталкивались на коварство и низкую интригу нѣмцевъ. Самыя добрыя намѣренія нашего правительства и народа часто встрѣчались нѣмцами съ явнымъ недоброжелательствомъ; принимались подъ однимъ скрываемымъ условіемъ—отвѣтить за любезность какой-нибудь ничѣмъ необъяснимой гнусностью. Не даромъ русскій народъ къ слову-нѣмецъ-прибавилъ горькій на вкусъ „перецъ“. Чувства порядочности, какихъ-

нибудь моральныхъ побужденій не замѣтно въ отношеніяхъ этой націи къ Россіи. Непрочные періоды видимыхъ добрососѣдскихъ отношеній были продиктованы нѣмцамъ соображеніями самыми меркантильными.

Интересенъ эпизодъ, послужившій установленію дружественныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей въ началѣ XVIII вѣка. Прусскимъ королемъ тогда былъ Фридрихъ—Вильгельмъ I-ый. Скупость, алчность и страсть къ великанамъ солдатамъ были его слабостями. Петръ Великій, разыскивая себѣ союзниковъ противъ Карла XII-го, короля Шведскаго, скоро нашелъ себѣ такового между другими и въ лицѣ Фридриха—Вильгельма, котораго сумѣлъ зацѣпить за самое чувствительное мѣсто. Зная алчность Прусскаго короля, Петръ послалъ ему подарки вещами; удовлетворяя его страсти къ солдатамъ великанамъ, русскій царь отправилъ въ 1713 году для гвардіи „въ подарокъ 80 русскихъ солдатъ—великановъ съ полною боевою и походною аммуниціею“ и сверхъ того „такую же полную аммуницію на 1200 человѣкъ“. Въ 1715 г. разлакомившійся Фридрихъ проситъ повторить подарокъ „ради закрѣпленія дружбы“. Заказъ его изряднѣе Петровской щедрости; онъ хотѣлъ „въ подарокъ еще нѣсколько сотъ русскихъ солдатъ—великановъ“. Умный Петръ пообѣщалъ, но постарался забыть свое обѣщаніе и просьбы не исполнилъ. Тогда король сбавилъ порцію; вмѣсто „нѣсколькихъ сотъ солдатъ“, онъ „просилъ прислать рослыхъ лошадей для его конной гвардіи и еще человѣкъ 60 или 70 рослыхъ солдатъ“, въ благодарность за что обязывался продолжать союзъ съ Петромъ. Скромность требованій побудила Петра отвѣтить, и онъ перевелъ въ распоряженіе Фридриха-В. въ 1716 г. 80 солдатъ, но, кажется, безъ лошадей. Въ 1718 г. въ Прусію были посланы еще „55 рослыхъ русскихъ солдатъ“, въ придачу которымъ были даны „токарный станокъ, баржа и кубокъ собственноручной работы царя“ Въ 1720 году Фридрихъ—Вильгельмъ получилъ 10 солдатъ, въ 1724 г.—23 человѣка.—Вотъ что держало короля въ дружбѣ съ Пе-

тромъ. Разгадавъ вполнѣ низкую торгашескую душу своего союзника, царь старается союзъ пріобрѣсти подешевле. Фридрихъ—Вильгельмъ заламываетъ сотни, Царь даетъ всего десятки; король требуетъ людей и лошадей, Петръ посылаетъ что-нибудь одно или вовсе не отвѣчаетъ. Иногда для приманки Царь, какъ опытный коммерсантъ, прибавляетъ аммуницію и собственноручныя издѣлія, „чтобы крѣпче было“. Всего Фридрихъ—Вильгельмъ получилъ „248 рослыхъ русскихъ солдатъ“.

Но, повидимому, прусскій король и этого не стоилъ. Великій Царь, не стѣсняясь союзными обязательствами съ нимъ, оцѣнивая по достоинству медленныя дѣйствія нѣмцевъ, искалъ себѣ новаго союзника въ лицѣ французскаго короля Людовика XV-го. Получая „подарки“ и обѣщая свою помощь, прусскій король, кажется, опасался слишкомъ быстраго роста дружественной державы и не прочь былъ при случаѣ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ своего союзника. Когда въ 1720 году противъ Петра стала составляться большая коалиція изъ Швеціи, Даніи, Франціи и Ганновера, то и Пруссія приписала къ этому союзу свое имя. Сдѣлано это было на другой годъ послѣ заключенія русско-прусскаго договора въ Берлинѣ, направленнаго противъ Вѣнскаго соглашенія (1719 г.) между Іосифомъ австрійскимъ и Августомъ польскимъ, которые намѣревались вести борьбу противъ Пруссіи и Россіи. Счастье Россіи было въ томъ, что въ такое время она имѣла своимъ правителемъ геніальнаго и энергичнаго Петра, сумѣвшаго свою страну привести „изъ небытія въ бытіе“, ввести свое могучее дѣтище въ семью первоклассныхъ европейскихъ державъ, у которой заискивалъ не одинъ Фридрихъ-Вильгельмъ, старавшійся быть коварнымъ союзникомъ до послѣднихъ дней своей жизни. Побѣждая явныхъ и тайныхъ враговъ, Петръ далъ такое блестящее направленіе русской политикѣ, что и въ тяжелую эпоху временщиковъ государство неуклонно, какъ бы по инерціи, шло къ расширенію своихъ границъ, и никакія козни враговъ не могли помѣшать этому движенію.

Въ 1732 году карлъ VI австрійскій, прусскій король и Анна Ивановна заключили союзъ, названный союзомъ трехъ черныхъ орловъ, и подписали договоръ въ Берлинѣ, которымъ обязывались не допускать на польскій престолъ нежелательнаго имъ кандидата [1]). Король Августъ, узнавъ, что союзъ черныхъ орловъ направленъ противъ его сына, вступилъ въ переговоры съ Фридрихомъ - Вильгельмомъ, обѣщая ему половину владѣній Речи Посполитой, если онъ нарушитъ Берлинскій договоръ (другая половина Польши была обѣщана Австріи) и поддержитъ кандидатуру Фридриха Августа на польскій престолъ. Фридрихъ Вильгельмъ не успѣлъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, потому что очень кстати король Августъ отдалъ Богу душу, а его сынъ завелъ переговоры съ русскимъ дворомъ, оставивъ Фридриху-Вильгельму однѣ мечты о лакомомъ кусочкѣ. За военную поддержку, которою русскіе содѣйствовали возведенію Фридриха-Августа на польскій престолъ, онъ отказался отъ Курляндіи; послѣ смерти послѣдняго Кетлера эта область отошла къ Россіи.

Во второй половинѣ XVIII в., Россія встрѣтилась съ Пруссіей при другихъ обстоятельствахъ. Въ Зап. Европѣ происходила борьба между Австріей и Пруссіей. Прусскій король Фридрихъ II-й во время войны за Австрійское наслѣдство завоевалъ у Австріи Силезію. Марія Терезія (Австрійская императрица не могла помириться съ тѣмъ, что часть католической Чехіи изъ ея рукъ попала во власть коварнаго протестанта Фридриха. Всѣми силами старалась она вновь овладѣть только что утраченною провинціею. Съ этою цѣлію повелительница Австріи образовала противъ прусскаго короля большую колицію, къ которой примкнула и Россія, возглавляемая Елизаветой.

Русская императрица Елизавета Петровна въ ранней

[1]) Союзъ этотъ былъ направленъ противъ Станислава Лещинскаго, котораго поддерживалъ французскій король Людовикъ XV, и противъ Саксонскаго курфюрста Фридриха-Августа, сына польскаго короля Августа.

своей молодости очень любила нѣмцевъ. Она хорошо знала о привязанности своей матери Екатерины (лифляндской нѣмки) къ нѣмцамъ и долго старалась подражать ей, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами. Но поддержка, которую послѣдніе оказали императрицѣ Аннѣ и принцессѣ Мекленбургской Аннѣ Леопольдовнѣ, заставила ее ненавидѣть тѣхъ, къ кому раньше была расположена; въ періодъ управленія этихъ двухъ Аннъ Елизавета много потерпѣла отъ былыхъ своихъ любимцевъ. Они не давали ей покою и послѣ ея воцаренія. Фридрихъ II-й Прусскій неоднократно составлялъ по адресу Елизаветы язвительныя эпиграммы, раздувавшія и такъ сильный огонь ненависти противъ его соплеменниковъ. Русскій канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ очень старался, чтобы этотъ огонь не погасъ. Онъ видѣлъ, чѣмъ грозитъ Россіи довольно быстрое расширеніе границъ Пруссіи. Со времени униженія Швеціи эта держава одна была въ состояніи помѣшать безграничной власти, которой Россія добилась на сѣверѣ. Въ любой моментъ ослабленныя Польша и Швеція въ предпріимчивомъ прусскомъ королѣ могли найти себѣ союзника противъ Россіи, лавры которой мѣшали сосѣдямъ спокойно спать. Да и помимо этого, не въ интересахъ русскаго государства было своимъ безучастнымъ отношеніемъ къ европейскимъ дѣламъ помогать коварной и неблагодарной союзницѣ Петра Великаго устраивать свои дѣлишки за счетъ слабыхъ сосѣдей.

Представленія Бестужева и личныя соображенія Елизаветы опредѣлили положеніе Россіи, когда всталъ вопросъ, кого поддерживать—Австрію или Пруссію. Напрасно Фридрихъ старался заручиться союзомъ Россіи. Елизавета пошла на помощь Маріи.

Въ 1757 году русскія войска подъ руководствомъ генерала С. Ѳ. Апраксина вступили въ предѣлы Восточной Пруссіи. Русскіе дѣятели думали, что война кончится быстро; поэтому не очень заботились о продовольствіи и квартирахъ для арміи. Они расчитывали, что вся тяжесть

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

войны падетъ на союзниковъ и враговъ, которые своими контрибуціями и субсидіями покроютъ военныя издержки по содержанію русской арміи въ этотъ кратковременный походъ; о какихъ-нибудь серьезныхъ компенсаціяхъ за помощь не говорили. Однако скоро выяснилось, что военная прогулка превратится въ длительную компанію. Русскій полководецъ не воспользовался первымъ успѣхомъ. Послѣ побѣды надъ пруссаками при Гроссъ-Егерсдорфѣ (1757 г.) Апраксинъ вывелъ войска изъ Пруссіи, указавъ, что, имѣя такія плохія войска, онъ не можетъ сражаться съ великимъ полководцемъ (Полагаютъ, что поведеніе Апраксина объяснялось ожиданіемъ скорой смерти Елизаветы, на мѣсто которой долженъ былъ стать Петръ Ѳедоровичъ, питавшій безконечныя симпатіи къ прусскому королю). Тѣмъ временемъ Фридрихъ II-й успѣлъ разбить французовъ при Росбахѣ, а затѣмъ нанесъ пораженіе русскимъ войскамъ, перешедшимъ подъ команду М. И. Воронцова, при Цорндорфѣ; въ этомъ сраженіи русскіе потеряли больше 20.000 человѣкъ (1758 г.) Въ 1759 году Фридрихъ былъ наголову разбитъ Салтыковымъ въ сраженіи при Кунерсдорфѣ; почти вся прусская армія была уничтожена, и самъ король едва спасся отъ плѣна. Въ 1760 г. русскіе заняли Берлинъ. Пруссія находилась въ отчаянномъ положеніи; средствъ вести дальше войну не было, вся страна была разорена и занята врагами. Вожаки русской политики поняли, что ихъ расчеты на контрибуцію и теплыя квартиры были забавной мечтой; субсидіи союзниковъ оказались каплей въ морѣ. Издержки на военныя надобности приходилось взыскивать съ русскаго населенія. Тогда стали говорить Императрицѣ о присоединеніи Пруссіи къ Россіи, что было бы справедливо въ виду затраченныхъ Россіей средствъ и жизней на эту войну и полезно для государства въ политическомъ отношеніи. Подробно эту мысль осмѣлился развить предъ Императрицей Шуваловъ. Елизавета раньше была противъ подобной комбинаціи. Но краснорѣчивые доводы придворныхъ сбили ее съ прежней позиціи и заставили серьезно

подумать объ осуществленіи проекта, обѣщавшаго увеличеніе владѣній, а главное—благодарную память и славу въ потомствѣ. Покоренiемъ Пруссіи достигались большіе результаты и относительно безпокойной Польши, которая могла быть окончательно обезоружена. Пріобрѣтеніе новыхъ береговъ Балтійскаго моря обѣщало осуществить большую программу Великаго преобразователя Петра относительно торговли и флота.

Когда въ Австріи узнали о намѣреніяхъ русскаго двора, вѣнскій кабинетъ въ благодарность за помощь старался устранить Россію отъ участія въ конгрессѣ, который соберется обсудить положеніе побѣжденной Пруссіи. Вмѣшательство Россіи въ дѣла Европы союзной державѣ показалось угрозой всей Европѣ. Вѣнскіе дипломаты старались убѣдить Елизавету и ея дворъ, что Россіи, до сего времени не принимавшей участія ни на одномъ европейскомъ конгрессѣ, оканчивавшемъ большія европейскія войны, и въ настоящее время тамъ не мѣсто. Когда же русскіе дипломаты стали говорить объ этомъ участіи, какъ о вопросѣ чести, австріаки попытались запугать нашъ дворъ военной коалиціей Турціи, Польши и Швеціи.

Трудно сказать, чѣмъ могли кончиться эти любезные переговоры союзниковъ. Но они еще не были доведены до конца, когда на русскомъ престолѣ, за смертію Елизаветы, сѣлъ Петръ III-ій. Онъ былъ сыномъ дочери Петра Великаго Анны Петровны и Карла Фридриха, герцога Голштейнъ—Готторпскаго. До 14 лѣтъ Петръ росъ въ Голштиніи и до такой степени привыкъ ко всему нѣмецкому, что въ Россіи чувствовалъ себя какъ иностранецъ;—нѣмецкіе обычаи, нѣмецкій укладъ жизни ему были болѣе понятны, чѣмъ русскіе. Тѣломъ былъ въ Россіи, душой среди нѣмцевъ. Его идеаломъ былъ прусскій король Фридрихъ II-й, готовый послѣ всѣхъ неудачъ разстаться съ тономъ. И въ этомъ печальномъ образѣ Фридрихъ II-й не потерялъ своего обаянія въ глазахъ Петра III-го. Послѣдній взялъ Фридриха подъ свое покровительство; отозвалъ изъ заво-

еванныхъ провинцій русскія войска, которыя въ теченіе пяти лѣтъ поливали своею кровью нѣмецкія поля, и отдалъ въ распоряженіе прусскаго короля провіантскіе магазины. Этого было мало: корпусъ русскихъ войскъ получилъ приказаніе стать подъ прусскія знамена; русскій Царь гарантировалъ Пруссіи всѣ ея завоеванія и т. д. Этотъ переворотъ какъ громомъ поразилъ не только нашихъ бывшихъ союзниковъ, но и самихъ русскихъ.

Между тѣмъ Царь продолжалъ свою политику. Онъ сталъ популизировать имя союзника. Скоро прислалъ въ сенатъ для республикованія и всеобщаго руководства „кодексъ Фридриха“ (прусскіе законы) и предписалъ въ управленіи страной руководиться названнымъ сборникомъ. Самъ принялъ чинъ полковника прусской службы и вслухъ говорилъ: „король мой государь“. За такое усердіе Фридрихъ, при восшествіи Петра на престолъ, милостиво пожаловалъ ему генеральскій чинъ. Вообще этотъ хитрый король велъ съ Петромъ очень искусную игру. Онъ довелъ Петра до такого состоянія, что сталъ для него Богомъ. Русскій Царь иногда говорилъ: „воля Фридриха—Божья воля“, часто бросался предъ портретомъ своего союзника на колѣни и кричалъ: „любезный братъ, мы покоримъ съ тобою всю вселенную“ По случаю заключенія мира съ пруссаками, Царь устроилъ рядъ празднествъ, на которыхъ присутствовало отъ 400 до 500 приглашенныхъ. Петръ провозглашалъ тостъ за тостомъ въ честь Фридриха прусскаго. Города иллюминовались, въ садахъ трещали грандіозные фейерверки.

Но искренно ликовалъ только одинъ Петръ, котораго Фридрихъ своими необыкновенно льстивыми письмами старался поощрить на новые подвиги въ пользу ихъ союза. „Поступая столь благородно“, писалъ, между прочимъ, король, „столь необыкновенно, какъ рѣдко поступаютъ въ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, Вы должны ожидать къ себѣ удивленія, которое столь справедливо вызвано дѣяніями Вашего Величества“. „Всякая нація благословляла бы небо,

даровавшее ей государя съ такими превосходными и удивительными достоинствами, коими одарены Ваше Императорское Величество"... „Предложеніе Ваше принять полкъ въ моей арміи... обрадовало меня (пишетъ Фридрихъ)... когда прибуду самъ въ армію, то выберу одинъ полкъ, который своей храбростью и красотою былъ бы достоинъ столь великаго героя, какъ Ваше Величество"... Всѣ письма онъ начинаетъ словами: „государь мой братъ". Петръ таялъ отъ такихъ любезностей, а Фридрихъ тѣмъ временемъ устраивалъ свои дѣлишки. Все, что просилъ король у Царя, получалъ; когда же должно было случиться наоборотъ, появлялось характерное „но". „Вы просите генерала Вернера, располагайте имъ, какъ Вамъ заблагоразсудится; но... такъ какъ я теперь совершенно безъ генераловъ и имѣю въ рукахъ сильную войну, то не позволите ли генералу Вернеру сдѣлать еще эту компанію?"... „Почту за удовольствіе прислать къ Вамъ и графа Горта,... лишь только позволятъ это мои обстоятельства". Фридриху нужны были войска, и онъ писалъ Петру: „если угодно Вамъ дать мнѣ изъ своихъ войскъ тысячъ 14 съ тысячею казаковъ, то это будетъ достаточно для усиленія меня отъ враговъ; а чтобы вполнѣ быть милостивымъ, то пришлите ихъ сюда, въ Бреславль, въ концѣ мая или началѣ іюня мѣсяца... Глядя на Ваши войска, я всегда буду думать о Вашемъ Величествѣ и буду говорить себѣ: войска эти принадлежатъ достойнѣйшему изъ государей, лучшему другу моему во вселенной"... Петръ спѣшилъ исполнить. Когда же Петру потребовалась реальная помощь, то прусскій король послалъ ему широковѣщательное письмо, въ которомъ занимается планомъ предстоящей компаніи (противъ датчанъ), высчитываетъ силы врага, говоритъ о трудностяхъ продовольствованія арміи, опасается за судьбу русскаго престола (боится заговоровъ и возмущенія противъ Петра), а въ заключеніе пишетъ: „умоляю Васъ размыслить о томъ, что, я Вамъ написалъ, и будьте увѣрены, что когда спросите о моихъ чувствахъ, я скажу Вамъ о нихъ съ чисто-

сердечною откровенностью"... Только одинъ Петръ не понималъ поведенія Фридриха. Онъ не хотѣлъ размыслить о своемъ положеніи и продолжалъ оставаться въ заблужденіи относительно союзника.

Между тѣмъ назрѣвали событія, о которыхъ пророчески писалъ король, но которыхъ не замѣчалъ Петръ... Поставивъ Россію относительно Пруссіи на ложный путь, 29 іюня 1762 года, въ день своихъ именинъ, императоръ подписалъ отреченіе отъ престола, а черезъ нѣсколько дней его преемница объявила, что Петръ скончался отъ „геморроидической колики".

Императрица Екатерина рѣшила дальше держаться отъ прусскаго двора и въ Семилѣтней войнѣ установила строгій нейтралитетъ Россіи. Отношенія однако не были враждебны. Наоборотъ, составляя союзъ противъ Австріи и Франціи, которыя грозили нарушить политическое равновѣсіе въ Европѣ, Екатерина привлекла и Пруссію. Скоро, впрочемъ, Императрица убѣдилась, что разнородные элементы, объединенные во имя отвлеченной теоріи („сѣверный аккордъ"), созданной ея дипломатами (Панинъ), не могли на дѣлѣ преслѣдовать одинаковыхъ цѣлей. (Въ союзъ входили: Россія, Польша, Пруссія, Швеція, Данія и Англія). Мало-по-малу между членами коалиціи происходило охлажденіе, которое привело къ крушенію безпочвенной „системы".

Спасенная русскимъ императоромъ Пруссія не могла помириться съ тѣми завоеваніями, которыя сдѣлала Россія въ войнѣ съ Турціей. Живѣйшее участіе Екатерины въ судьбахъ разлагавшейся Польши тоже немало безпокоило сосѣдей. Въ 1769 г. молодой римско-нѣмецкій императоръ и король венгерскій—Іосифъ II-й встрѣтился съ Фридрихомъ II-мъ въ Ниссѣ (Прусская Силезія), чтобы обсудить вопросъ о русскихъ завоеваніяхъ. Въ 1770 году они вторично видѣлись въ мѣстечкѣ Нейштадтъ (Моравія), куда султанъ прислалъ письмо съ просьбой объ австрійско—прусскомъ посредничествѣ для заключенія мира съ Россіей. Тутъ же они согласились и насчетъ дѣйствій въ Польшѣ, имѣя въ виду поведеніе Россіи и успѣхи ея въ Польшѣ.

Осуществляя условія договора (Нейштадтскаго), Австрія заняла венгерскими войсками Спижское староство и часть Краковскаго воеводства (по старый Сончъ), а пруссаки ввели войска въ Королевскую Пруссію и на границу Великой Польши, объясняя свой актъ необходимостью устроить кордонъ противъ морового повѣтрія. Въ концѣ того же 1770 года въ Петроградъ пріѣхалъ братъ Фридриха II-го—Генрихъ съ предложеніемъ подѣлить Польшу. За побѣды Россіи надъ турками, по ихъ мнѣнію, должна была отвѣчать Польша, отъ которой они собирались оторвать пограничныя области въ награду „за посредничество въ заключеніи мира между Россіей и Турціей". Екатерина отклонила этотъ проектъ, такъ какъ пруссаки и австрійцы открыто хотѣли заграбить жаръ чужими руками. Но волненія, продолжавшіяся въ польскомъ королевствѣ, и союзъ Австріи съ Турціей, грозившій Россіи новой войной съ послѣдней, принудили Екатерину согласиться на раздѣлъ раздираемой смутами Польши. Екатерина, хоть и по нуждѣ, повторила ошибку своего мужа, отдавъ славянскія земли во власть нѣмцевъ. За кровь, пролитую русскими людьми на турецкихъ и польскихъ поляхъ, наглые нѣмцы получили княжества: Освѣцимское и Заторское, южныя части воеводствъ Краковскаго и Сандомірскаго, русское воеводство безъ Холмской земли и Белзское—всего 1,508 кв. м. (Австрія); Вармію, Поморское воеводство безъ Гданьска, Мальборгское, Хельминское безъ Торуня и Великопольскіе повѣты по Нотець — всего 660 кв. м. (Пруссія) Въ новыхъ своихъ владѣніяхъ пруссаки хозяйничали съ искусствомъ самыхъ отчаянныхъ бандитовъ. Самъ Фридрихъ II-й устраивалъ облавы на крестьянскую молодежь, которая отсылалась въ прусскую армію; король залилъ всю Польшу фальшивой монетой (было пущено въ оборотъ на 2 милліона золотыхъ) и т. п. Къ своимъ временнымъ союзникамъ Фридрихъ относился надменно, вызывая постоянныя тренія, въ которыя онъ постарался втянуть и Польшу. Между тѣмъ Австрія еще не забыла ранъ, нанесенныхъ ей Пруссіей во время

войнъ за Австрійское наслѣдство и Семилѣтней, не прочь была подумать о реваншѣ. Между этими державами назрѣвалъ конфликтъ.

Императоръ Австрійскій Іосифъ своевременно привлекъ на свою сторону Россію, съ которою заключилъ союзъ противъ Пруссіи, обязываясь помогать Екатеринѣ въ войнѣ съ турками. Въ 1780 г. онъ лично пріѣхалъ переговорить съ Императрицей; свиданіе состоялось въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, откуда Іосифъ отправился въ Петроградъ. (Памятникомъ этого свиданія 2-хъ монарховъ въ Могилевѣ служитъ Іосифовскій соборъ). Австро-русскій союзъ не на шутку обезпокоилъ прусскій дворъ. Фридрихъ II-й, а послѣ его смерти Фридрихъ-Вильгельмъ III-й искали себѣ поддержки въ Швеціи, Турціи и Польшѣ.

Послѣдняя, въ виду предполагаемой войны Россіи съ Турціей, получала большое значеніе и для Россіи. Чрезъ Польшу лежалъ ближайшій путь въ Турцію; черезъ нее можно было лучше всего сообщаться съ дружественной австрійской арміей и, наконецъ, въ польскихъ земляхъ можно было получать продовольствіе для арміи. Польскій король Станиславъ Августъ готовъ былъ итти объ руку съ Россіей. Во время путешествія Екатерины по Новороссіи, онъ пріѣхалъ въ Каневъ, гдѣ на очень скромныхъ условіяхъ обѣщалъ склонить свое королевство къ войнѣ съ Турціей. Вмѣстѣ съ королемъ въ сторону Россіи тянула и довольно значительная часть именитаго польскаго дворянства. Прусскій король, понимая всю серьезность момента, предложилъ полякамъ такія условія союза, которыя повернули ихъ симпатіи къ Пруссіи. Польское общество въ союзѣ съ пруссаками стало мечтать о возстановленіи былого величія Рѣчи Посполитой. Фридрихъ Вильгельмъ II-й соглашался на увеличеніе польской арміи, отказывался отъ права стѣснять польскій сеймъ въ обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ внутреннимъ благоустройствомъ Польши, обѣщалъ уважать резолюціи сейма и т. д. Словомъ, отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ, полученныхъ при I-мъ

раздѣлѣ Польши (1773 г.). Подобное великодушіе прусскаго короля смутило не однихъ поляковъ. Его расчетъ подорвать престижъ Россіи въ глазахъ польскаго общества оправдался. Наивные польскіе патріоты готовы были записать Пруссію въ число своихъ избавителей отъ иноземнаго гнета. Они повели смѣлую атаку противъ правительства и учрежденій, гарантированныхъ Россіей и временно добились нѣкоторыхъ успѣховъ.

Прусскій король ликовалъ. Завербовавъ себѣ въ союзники еще Англію, Голландію и Швецію (эти державы повѣрили великодушію короля), онъ думалъ выступить активнымъ сторонникомъ Турціи (противъ Россіи), къ чему старался склонить и Польшу. Въ 1790 г. съ этими двумя державами онъ уже заключилъ союзы: оборонительный и наступательный съ Турціей и оборонительный съ Польшей и началъ дѣйствовать. Чтобы ослабить силу австро-русскаго союза, Фридрихъ-Вильгельмъ II-й старался поднять противъ Австріи венгровъ и галичанъ, добился того, что русскіе должны были вывезти свои провіантскіе магазины изъ Польской Украйны и прекратить передвиженіе войскъ большими массами по польскимъ землямъ.

Екатерина, побуждаемая къ тому австрійскимъ дворомъ, терпѣла до поры до времени вѣроломство поляковъ и козни пруссаковъ, напрягая въ то же время всѣ силы на борьбу съ Турціей.

Въ 1790 г., въ моментъ самой напряженной дѣятельности прусскаго короля, умеръ союзникъ Россіи Іосифъ II-й. Преемникъ его—Леопольдъ II-й нашелъ войну съ Турціей обременительной для себя и рѣшилъ порвать союзъ съ Россіей. Въ 1790 г. въ Рейхенбахѣ (Прусская Силезія) Леопольдъ II-й встрѣтился съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II-мъ и заключилъ съ послѣднимъ конвенцію, условія которой обязывали его заключить миръ съ Турціей. Пруссія же обѣщала отказаться отъ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, между прочимъ и отъ Гданьска (Данцига) и Торуня (польскіе города), на которые посягалъ Фридрихъ-Виль-

гельмъ II-й. Императрица не очень скорбѣла объ утратѣ коварной союзницы, тѣмъ болѣе, что на театрѣ военныхъ дѣйствій Австрія не оказывала помощи, а между тѣмъ союзъ съ ней связывалъ Императрицу относительно Польши. Дѣла Россіи въ это время были хороши. Рядъ побѣдъ надъ Турціей, миръ со Швеціей (1790 г.), а скоро и съ Турціей (1791 г.) развязали Екатеринѣ руки относительно Польши, хлопотавшей о нераздѣльности владѣній и совершенной независимости отъ чьего бы то ни было вліянія (главнымъ образомъ русскаго).

Случай къ вмѣшательству Россіи въ польскія дѣла скоро представился. Часть польскаго общества, недовольная реформами, которыя проводились въ государствѣ, особенно стремленіемъ реформаторовъ установить наслѣдственность польскаго престола, звала на помощь себѣ Россію. Екатерина, внимая мольбамъ большой партіи знатныхъ поляковъ, двинула въ Польшу для возстановленія республиканскихъ правъ и своихъ прерогативъ войска, хотя имѣла противъ себя Австрію и Пруссію. Скоро (въ 1792 г.) ей удалось отвлечь отъ союза съ Пруссіей новаго австрійскаго императора Франца II-го. За помощь, которую Екатерина обѣщала ему противъ Франціи, объявившей войну Австріи, императоръ послѣдней предоставилъ нашей императрицѣ свободу дѣйствій въ Польшѣ. Обезкураженная Пруссія была не въ состояніи помѣшать намѣреніямъ Екатерины, и ея король скоро объявилъ, что не считаетъ себя обязаннымъ защищать Польшу отъ послѣдствій, вызванныхъ реформами, предпринятыми безъ его согласія и даже вѣдома. Гибкость политическихъ принциповъ Фридриха-Вильгельма изумила довѣрчивыхъ польскихъ патріотовъ, слишкомъ поздно понявшихъ, съ кѣмъ они имѣли дѣло, но не помѣшала ему быть вѣрнымъ себѣ до конца. Воспользовавшись пораженіемъ Австріи въ войнѣ съ Франціей, считая себя свободнымъ отъ условій Рейхенбахскаго договора и учитывая затруднительное положеніе Польши, добрый союзникъ „за свои услуги“ Польшѣ рѣшилъ отщипнуть отъ владѣній

послѣдней добрый кусочекъ въ 1060 кв. м. (Гданьскъ, Торунь и земли отъ Дзядлова на Вкрѣ до Вышгорода на Вислѣ). Тогда и Россія взяла у Польши то, что ей было надо, но только не во имя союзныхъ обязательствъ. Поляки по достоинству оцѣнили вѣроломство прусскаго короля и, согласившись на уступку Россіи занятыхъ ею земель, рѣшительно протестовали противъ земельныхъ притязаній Пруссіи. Долго Бухгольцъ, представитель прусскихъ интересовъ въ Польшѣ, не могъ добиться согласія на уступку захваченныхъ пруссаками земель, и только русскій посолъ Сиверсъ принудилъ поляковъ удовлетворить требованіе Бухгольца.

Отвѣтомъ на такое доброжелательное въ отношеніи Пруссіи поведеніе Россіи было искреннее желаніе прусскаго короля помѣшать Екатеринѣ, по усмиреніи возстанія Костюшки, присоединить области, принадлежавшія Россіи по праву послѣ кровопролитія, котораго потребовало усмиреніе возстанія. Прусскій король долго торговался, требуя себѣ обильныхъ компенсацій за согласіе и только черезъ 9½ мѣсяцевъ (4 октября) подписалъ тотъ трактатъ, который Россіей и Австріей былъ подписанъ 3 января 1795 г.

Скоро однако Пруссія имѣла случай еще разъ убѣдиться, сколь великодушна Россія, сколь чужды ей тѣ хищническіе инстинкты, которыми всегда была пропитана прусская политика. Въ это время Европу занимали событія огромной важности. Великая французская революція не только перевернула всю Францію, но волны ея перекатились за границу и грозили каждому государству ниспроверженіемъ существовавшаго порядка. Представители европейскихъ дворовъ помышляли о томъ, чтобы ввести Францію въ ея прежнія рамки. Французы этимъ возмущались, и вотъ возгорѣлась борьба, въ которой приняли участіе, между прочимъ, нѣмцы и русскіе. Русскій человѣкъ съ гордостью можетъ прочесть много славныхъ страницъ о подвигахъ русскаго оружія, объ исполненныхъ благородства безконечнаго великодушія дѣяніяхъ нашихъ императоровъ, полководцевъ, государственныхъ дѣятелей, солдатъ и простыхъ

обывателей, которые имѣли счастіе принадлежать этой эпохѣ; можетъ съ гордостью сказать, что Россія спасла Европу, движимая самыми лучшими побужденіями человѣческаго духа; съ удовольствіемъ можетъ засвидѣтельствовать, что даже въ этотъ періодъ нашего могущества русскій народъ не заразился той низкой моралью тевтонскаго хищника, которая самыми событіями подсказывалась побѣдителю. Благородство русскаго духа не было побѣждено специфической атмосферой нѣмецкаго криводушія, въ которой пришлось купаться русскому человѣку.

Всегда исполненные самаго большого уваженія къ себѣ (не въ примѣръ русскому человѣку), пруссаки и австріаки рѣшили собственными силами бороться противъ Франціи. Однако французы съ достоинствомъ указали союзникамъ ихъ мѣсто. Потерпѣвъ нѣсколько пораженій, австрійцы прибѣгли, какъ всегда, къ помощи другихъ государствъ, а пруссаки (тоже по своему обыкновенію) постарались покинуть Австрію и заключить миръ съ Франціей (Базель 1795 г.). Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ французская армія стала грозить самому существованію Австріи. Тогда Францъ II-й попросилъ помощи у Павла I-го. Имѣя самое серьезное намѣреніе дать своимъ подданнымъ „пренужное и желаемое ими отдохновеніе“ отъ военныхъ тревогъ Екатерининскаго царствованія, Павелъ однако не могъ отказать погибавшей Австріи. Скоро одинъ изъ величайшихъ русскихъ полководцевъ (Суворовъ) получилъ слѣдующее письмо отъ русскаго царя:... „Римскій императоръ требуетъ Васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ Вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а Ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда“... Суворовъ поспѣшилъ, но не на радость себѣ и своему императору. Русскимъ войскамъ пришлось прокладывать себѣ дорогу, имѣя впереди вражескую рать, дѣйствовавшую огнемъ и мечомъ, а позади завистливую гидру союзныхъ австрійскихъ генераловъ, готовыхъ вредить русскому полководцу и его войскамъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Союзники могли надѣлать бѣдъ больше, чѣмъ враги, потому что дѣйствовали изъ-за угла, и нельзя было предвидѣть, какая каверза у нихъ на очереди. Талантливый полководецъ не думалъ, что его бездарные коллеги по оружію окажутся способными мѣшать дѣлу, на которое они вызвали его изъ глухой деревушки Новгородской губ. Тѣмъ больше было его огорченіе, когда въ этомъ онъ воочію убѣдился. Напрасно Суворовъ предлагалъ свой геніальный планъ компаніи. Онъ заранѣе былъ обреченъ на неудачу. Люди, засѣдавшіе въ Вѣнскомъ военномъ совѣтѣ (Гофъ-Кригсъ-Ратъ), старались навязать Суворову свой безталанный, но зато коварный планъ, исполненіе котораго обѣщало укрѣпить власть австрійцевъ въ Италіи. Это вовсе не входило въ условія союза, но австрійцы больше всего къ этому стремились. Суворовъ понималъ, что изъ него и его арміи хотятъ создать служителей узко-австрійскихъ интересовъ. Ему было видно, что австрійцы изъ русскихъ войскъ дѣлаютъ ширму—берегутъ свои войска и даютъ самыя трудныя порученія нашимъ арміямъ, которыя своею кровью должны были вырвать у французовъ побѣды, чтобы ими цѣликомъ могла воспользоваться Австрія. Когда русская армія одержала рядъ побѣдъ, достаточныхъ, по мнѣнію Гофъ-Кригсъ-Рата, для закрѣпленія Италіи за Австріей, баронъ Тугутъ (австрійскій дипломатъ) предложилъ Суворову вывести русскія войска изъ Италіи въ Швейцарію. „Побѣды Ваши произвели уже счастливый оборотъ въ дѣлахъ Италіи, удаляющій всякое опасеніе. Отъ Швейцарской экспедиціи будетъ зависѣть судьба всей войны“, писали Суворову члены военнаго совѣта подъ диктовку Тугута. Пришлось подчиняться. По условію, австрійскія войска изъ Швейцаріи должны были быть выведены не раньше, какъ придетъ туда со своими войсками Суворовъ. Но эрцъ-герцогъ Карлъ ушелъ (согласно предписанію вѣнскаго военнаго совѣта), не дождавшись Суворова, и тѣмъ поставилъ арміи Суворова и Римскаго-Корсакова, сражавшагося въ Швейцаріи, въ крайне рискованное положеніе. Только

Суворовъ со своими чудо-богатырями могъ всѣхъ выручать, спасаться и даже побѣждать въ той обстановкѣ, какую ему сочиняли и враги и союзники. Нѣсколько разъ жаловался онъ въ Петроградъ на поведеніе австрійцевъ, просилъ себѣ отставки, но Павелъ, подкупаемый лестью Тугута, повторялъ—„спасай царей“. Онъ, правда, приказывалъ Суворову одно время освободиться отъ вліянія Гофъ-Кригсъ-Рата, но умолялъ не оставлять дѣла, столь блестяще начатаго. „Ничего не могу предписать Вамъ“, писалъ императоръ на одну жалобу своего полководца, „кромѣ осторожности отъ умысловъ зависти и хищности, представляя уму и искусству Вашему отвращать ихъ и уничтожать вредное пользѣ общаго дѣла. Пренебрегите ими, какъ недостойными тѣхъ видовъ, коими подвиглись мы для спасенія Европы. Не помогать своекорыстію другихъ, но уничтожить нынѣшнее правленіе Франціи хотѣлъ я. Истребляйте общаго врага и не лишайте меня надежды возстановить миръ и спокойствіе Европы“. Суворову оставалось побѣждать и возмущаться. Онъ дѣлалъ то и другое „Унтеркунфтъ (любовь къ покою), нихтбештимтзагерство („немогузнайство“), а надъ всѣмъ этимъ геръ Тугутъ, Тугутъ, тысяча Тугутовъ... помилуй Богъ, какъ отъ нихъ отбиться?!“. Въ другой разъ: „сія сова не съ ума ли сошла“ (говоритъ онъ про Тугута) „или того никогда не имѣла“. Коварство австрійцевъ перешло всякія границы. На пути слѣдованія русской арміи (изъ Италіи въ Швейцарію) она нигдѣ не находила обѣщаннаго австрійцами провіанта и боевыхъ припасовъ. Австрійцы толкали прямо на явную гибель своихъ избавителей. „Пришли въ Беллинцону“, пишетъ Суворовъ Растопчину, „нѣтъ лошадей, нѣтъ лошаковъ (которыхъ только что обѣщалъ поставить австрійскій генералъ Меласъ), а есть Тугутъ, и горы, и пропасти“....

Съ горы на гору, черезъ пропасти, по льдамъ и снѣгамъ, подъ свистъ французскихъ пуль холодное и голодное войско благополучно выбралось въ Швейцарію. „Милости императора, удивленіе народовъ, восторгъ соотчичей, пѣсни

поэтовъ, сознаніе своего подвига, увѣренность, что исполнено все, чего требовали долгъ, совѣсть, имена русскихъ и Суворова награждали героя", пишетъ одинъ изъ біографовъ Суворова. Но ему уже не суждено было больше сражаться въ союзѣ съ австрійцами. Въ 1800 г. императоръ Павелъ разорвалъ союзъ съ ними. Александръ Васильевичъ получилъ отъ Павла письмо слѣдующаго содержанія: „пока Тугутъ министромъ, я ничему не вѣрю и ничего дѣлать не стану. Идите, пусть узнаютъ, каково быть оставляему на побіеніе. Храните войско мое, вижу, что безъ Васъ ему не побѣждать".

За свое коварство австрійцы скоро поплатились. Предоставленные сами себѣ, они стали терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Еще не успѣлъ Суворовъ добраться до Россіи, какъ стали до него долетать завыванія австрійскихъ дѣльцовъ, приглашавшихъ его итти на помощь. „Сколь рѣшеніе разрушить союзъ вредно въ глазахъ друга и недруга, не нужно объяснять такому мужу, какъ фельдмаршалъ князь Италійскій", писалъ Францъ II-й. „Меня къ этому побуждаютъ благо Европы, польза общая, честь Россіи (каковъ!), почтеніе къ Вамъ", посылалъ вдогонку эрцъ-герцогъ Карлъ, умоляя о помощи.

Но рѣшеніе Павла было непоколебимо. Суворовъ не вернулся (въ 1800 г. онъ умеръ), и австрійцы въ 1801 г. вынуждены были заключить съ французами миръ, которымъ было разрушено зданіе средневѣковой Священной Римской имперіи.

Императоръ Павелъ умеръ союзникомъ Франціи, правительство которой оцѣнило по достоинству благороднаго противника. Первый консулъ Франціи Наполеонъ Бонапартъ былъ очень внимателенъ къ русскимъ плѣнникамъ, освободилъ ихъ безъ всякихъ условій и обезпечилъ всѣмъ необходимымъ въ дорогѣ.

Однако слѣдующее царствованіе началось новой войной съ Франціей. Императоръ Александръ 1-й, не испытавшій лично коварнаго поведенія Австріи, возобновилъ союзъ съ

послѣдней противъ Наполеона, насильственно распоряжавшагося судьбами Германіи и Италіи. Противъ Франціи воевала и Англія. Однако это не спасло союзниковъ отъ разгрома. Въ 1805 г. Наполеонъ разбилъ австрійцевъ подъ Ульмомъ, а затѣмъ русско-австрійскую армію подъ Аустерлицемъ. Австрія должна была выйти изъ союза, заключивъ съ Наполеономъ тяжелый миръ въ Пресбургѣ.

Въ это время на помощь Россіи пришла Пруссія, долгое время (съ 1801 г.) соблюдавшая нейтралитетъ. Александръ давно мечталъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Россіи, Австріи и Пруссіи противъ пугавшей всѣхъ Франціи. Онъ писалъ объ этомъ письма Фридриху Вильгельму III-му, а въ 1802 году въ іюнѣ мѣсяцѣ лично видѣлся съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ и обмѣнялся съ нимъ мнѣніями насчетъ Наполеона. Свиданіе это было началомъ большой дружбы русскаго императора съ прусскимъ королемъ, дружбы, которая потребовала отъ Россіи огромныхъ жертвъ, не заслуженныхъ, въ концѣ концовъ, Пруссіей. Какъ бы то ни было, когда Наполеонъ наканунѣ Ульмской катастрофы вступилъ въ область Ангальтъ—Бейреутъ, принадлежавшую нейтральной Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ III-ій рѣшилъ присоединиться къ союзу Россіи, Австріи и Англіи. Его лично посѣтилъ въ Берлинѣ императоръ Александръ Павловичъ съ однимъ изъ братьевъ австрійскаго императора и побудилъ возстановить прежній дружественный союзъ. Въ Потстдамѣ былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго Наполеону предполагалось предложить миръ; главныя основы его должны были быть выработаны на общеевропейскомъ конгрессѣ; въ случаѣ отказа Наполеона, Пруссія должна была объявить войну Франціи. Свой договоръ монархи скрѣпили рукопожатіемъ въ ночное время надъ могилою Фридриха Великаго въ присутствіи королевы Луизы. Но въ то время, когда императоръ Россіи и король Пруссіи говорили другъ другу о своихъ взаимныхъ обязательствахъ, Наполеонъ дѣлалъ дѣло. Разбивъ въ двухъ битвахъ Австрію и Россію, обезо-

руживъ Пресбургскимъ миромъ Австрію, онъ обратился противъ объявившей ему войну Пруссіи и, прежде чѣмъ подошли на помощь русскія войска, нанесъ пораженіе пруссакамъ въ двухъ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ (1806 г.) Наполеонъ занялъ Берлинъ, черезъ нѣкоторое время Варшаву, а затѣмъ подступилъ къ Кенигсбергу, гдѣ заперся Фридрихъ—Вильгельмъ. Съ большимъ упорствомъ сражались союзники, но не могли устоять противъ превосходныхъ полковъ Наполеона. Пораженіе, нанесенное французами русскимъ подъ Фридландомъ, рѣшило компанію. Русскія войска ушли въ предѣлы своего отечества, а императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (1807 г.).

Неудачи не заставили русскаго царя забыть своего несчастнаго союзника, котораго Наполеонъ собирался стереть съ лица земли. Александръ энергично выступилъ противъ предложенія Наполеона уничтожить Пруссію. Однако Пруссія потеряла добрую половину своихъ владѣній обязалась принять въ свои города французскіе гарнизоны, заплатить большую денежную контрибуцію и т. п. Напрасно Фридрихъ—Вильгельмъ хлопоталъ въ Эрфуртѣ (1808 г.) о смягченіи своей участи, онъ ничего не добился, кромѣ горькаго сознанія, что съ нимъ и говорить никто не хочетъ. Тутъ, между прочимъ, на его глазахъ разыгралась сцена, которая напомнила ему потсдамское ночное свиданіе и больно кольнула его. Когда передъ „партеромъ, наполненнымъ коронованными особами“, была представлена французская драма, въ которой было такое выраженіе: „какое счастье имѣть другомъ великаго человѣка“, то русскій императоръ протянулъ руку сидѣвшему возлѣ него императору французовъ....

Но скоро эта гордая рука своимъ мощнымъ движеніемъ коснулась обездоленной Пруссіи и снова привела ее „въ бытіе“. Вершитель судебъ Европы не могъ примириться съ тѣмъ, что на востокѣ есть граница его власти. Въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года (послѣ свиданія Фридриха-Вильгельма, Франца и Наполеона въ Дрезденѣ) Наполеонъ цѣлую

половину Европы двинулъ въ походъ съ грознымъ намѣреніемъ уничтожить эту границу. Среди огромныхъ полчищъ Наполеона, увы, мы видимъ и прусскаго короля со своими солдатами. Онъ шелъ мстить своему... благодѣтелю.

Когда же послѣ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю нашей родины, она „подобно возродившемуся фениксу вышла изъ пепла сожженной Москвы," тогда симпатіи Пруссіи вновь обернулись въ сторону Россіи. „Великодушный" прусскій король изволилъ милостиво послать для переговоровъ съ русскимъ императоромъ въ Калишѣ (февраль 1813 г.) своего человѣка, заключившаго договоръ съ Александромъ, которымъ Фридрихъ-Вильгельмъ соглашался избавить Европу отъ власти Наполеона.

Напрасно Кутузовъ уговаривалъ Александра не гнаться за Наполеономъ дальше границы русской земли; напрасно онъ убѣждалъ предоставить Зап. Европу своей собственной участи; напрасно доказывалъ своему государю всю опасность сосѣдства „Иродова" государства, воскрешать которое стремился Александръ. Императоръ пренебрегъ даже благоразумнымъ совѣтомъ своей супруги Маріи Ѳедоровны, по родственнымъ связамъ близко стоявшей къ Прусскому королевству, всегда ему благожелательной, которая однако въ данный моментъ прямо заклинала Императора удержаться отъ новыхъ жертвъ ради коварной Пруссіи, многократно вредившей русскому государству.

Александръ, къ сожалѣнію, поддался вліянію германскаго патріота барона Штейна, который стремился заставить (и убѣдилъ) русскаго царя способствовать германскимъ интересамъ.

Спасая Германію, нашъ императоръ въ то же время служилъ великой идеѣ мира, къ которому онъ, въ концѣ концовъ, стремился: онъ не щадилъ ни силъ своихъ собственныхъ, ни силъ государства, разореннаго постоянными тяжелыми войнами и нуждавшагося, въ сущности говоря, больше всего въ покоѣ. Столь великодушное, вдохновлявшееся высокой идеей поведеніе Александра Павловича было непонятно тѣмъ, которыхъ онъ шелъ спасать. Нѣмцы

удивлялись и невольно задавали себѣ вопросъ, какія цѣли преслѣдуетъ русскій императоръ, внося свое оружіе въ предѣлы З. Европы? Они, напримѣръ, были убѣждены, что Александръ за свой подвигъ потребуетъ тяжелыхъ для германскаго міра компенсацій. Ниже мы увидимъ, что это было глубокое заблужденіе. Для себя лично Александръ ничего не искалъ. Всѣ его мысли были направлены на то, чтобы добиться сверженія Наполеона и вернуть миръ Европѣ. Это была конечная и единственная цѣль всѣхъ его дѣяній въ этотъ періодъ.

Исполненный самыхъ высокихъ намѣреній, онъ шелъ къ своей цѣли напроломъ, побѣждая недовѣріе, коварство, непонятную инертность и даже просто недоброжелательство спасаемыхъ. Онъ растопталъ интриги пруссаковъ, порвалъ дипломатическую паутину, въ которую старались заплести его австрійскій и прусскій дворы, ведя игру на два фронта, и вывелъ, наконецъ, своихъ тайныхъ враговъ изъ того унизительнаго положенія, въ которое ихъ повергъ врагъ его явный.

Картина поведенія мнимыхъ союзниковъ Александра въ данный моментъ поразительна, но достойна этихъ Іудъ, лобызающихъ устами и предающихъ руками. Когда Александръ перешелъ границу и пригласилъ пруссаковъ принять участіе въ освободительной войнѣ противъ Наполеона, Фридрихъ-Вильгельмъ откликнулся. Прусскій корпусъ, сражавшійся въ войскахъ Наполеона подъ руководствомъ Іорка, долженъ былъ присоединиться къ русскимъ войскамъ. Однако Іоркъ не хотѣлъ сдаться русскимъ, считая, очевидно, позоромъ для себя открыто присоединиться къ дружественной арміи. Онъ завелъ хитрую дипломатическую игру, первую скрипку въ которой игралъ, конечно, самъ король. Сочинили конвенцію, которую съ тайнаго согласія короля подписалъ Іоркъ, оставшійся съ войскомъ въ Мемелѣ до выясненія обстоятельствъ. (Русскіе генералы считали эту конвенцію невыгодной для Россіи). Тѣмъ временемъ Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ два письма—одно Наполеону, а другое Александру. Перваго онъ увѣрялъ,

что конвенція заключена безъ его согласія; второму сообщалъ, что поступокъ Іорка одобряетъ. Въ это же время онъ отправилъ въ Вѣну Кнезбека, постаравшагося убѣдить Франца, что „союзъ Австріи съ Пруссіей представляетъ единственное средство бороться противъ господства Франціи и воспрепятствовать, чтобы Россія, при дальнѣйшемъ побѣдоносномъ своемъ движеніи, не пріобрѣла авторитета въ германскихъ и европейскихъ дѣлахъ, что не можетъ быть выгодно ни для Австріи ни для Пруссіи". Отвѣтъ былъ достоенъ вопроса. „Не Франціи боимся мы, а Россіи", отвѣтила Австрія; „если русскіе воспротивятся умѣреннымъ условіямъ мира, то не только вспомогательный корпусъ, всѣ силы нашей монархіи обратятся противъ нихъ". Вотъ какими друзьями запасся Александръ противъ Наполеона. Мало этого, Фридрихъ-Вильгельмъ добивался союза съ самимъ Наполеономъ противъ... Россіи. Но гордый императоръ Франціи, ненавидѣвшій пруссаковъ всѣми фибрами своей души, презиравшій ихъ, какъ можетъ презирать человѣкъ пресмыкающееся, уклонился отъ мировой сдѣлки со столь блистательной націей и стрался помириться съ Александромъ, обѣщая ему всю Польшу. Это предложеніе Наполеона не отвѣчало намѣреніямъ русскаго царя. Александръ промѣнялъ Наполеона на коварнаго Фридриха-Вильгельма, который, пронюхавъ, что въ Парижѣ трудно добиться удовлетворительныхъ результатовъ, поспѣшилъ сговориться со слишкомъ снисходительнымъ и непонятно доброжелательнымъ Александромъ. Въ 1813 г. 17 февраля его посолъ Кнезебекъ (все тотъ же) заключилъ договоръ съ русскими, по которому Россія обязывалась возстановить Пруссію въ предѣлахъ 1806 года. Число войскъ, потребныхъ для этого дѣла, со стороны Россіи было опредѣлено въ 150,000, а со стороны Пруссіи въ 80,000 человѣкъ. Кнезебекъ ожидалъ, что за миръ Россія потребуетъ уступить ей Восточную Пруссію или по крайней мѣрѣ крѣпость Мемель. Однако объ этомъ и рѣчь не поднималась.

Политика Александра прямо сбила съ толку нѣмецкихъ дипломатовъ. Мѣря всѣхъ и все на свой аршинъ, они

ожидали, въ концѣ концовъ, какой-нибудь гнусности со стороны своихъ союзниковъ. Но пришлось разочароваться, хоть Фридрихъ-Вильгельмъ своимъ поведеніемъ заслуживалъ хорошей дубины. Не желая перстомъ двинуть противъ бывшаго своего союзника Наполеона, прусскій король позволялъ себѣ капризничать надъ Александромъ, издѣваться надъ частичными неудачами русской арміи, критиковать дѣйствія послѣдней и т. п.

Однако всѣмъ было ясно, что Наполеону скоро придется разстаться съ властью. Понималъ это и Австрійскій императоръ Францъ II-й (тесть Наполеона), который, послѣ неудачной попытки къ посредничеству, сталъ на сторону Россіи. Лейпцигская битва отдала судьбу Наполеона въ руки союзниковъ. Незначительныя побѣды Наполеона на французской территоріи не вернули ему былого могущества, такъ какъ французы къ нему охладѣли, а мелкіе германскіе владѣльцы послѣ „битвы народовъ“ открыто стали на сторону его враговъ. Императоръ Франціи долженъ былъ удалиться на о. Эльбу, а побѣдители собрались въ Вѣнѣ обсудить создавшееся положеніе Европы. Теперь вотъ прусскій король оказался человѣкомъ энергичнымъ. Онъ настойчиво добивался включенія въ число прусскихъ владѣній королевства Саксонскаго. Но Австрія рѣшительно воспротивилась этой комбинаціи, какъ и тому, чтобы изъ Польши было создано конституціонное королевство подъ управленіемъ Константина Павловича, чего домогался русскій императоръ. Онъ не получилъ по милости своихъ союзниковъ, обязанныхъ ему своимъ существованіемъ того, что предлагалъ ему нѣсколько раньше врагъ Россіи Наполеонъ. Эти овцы, обстриженныя Бонапартомъ, показали Александру волчьи зубы, грозя войной, если русскій царь будетъ настаивать на своихъ требованіяхъ. Александръ долженъ былъ уступить, такъ какъ во Франціи вновь появился Наполеонъ и своими успѣхами заставилъ союзниковъ быть болѣе сговорчивыми... Сраженіе при Ватерлоо вернуло Наполеона на островъ, только болѣе дикій, и побѣдители могли кончить свои переговоры.

Въ конечномъ результатѣ Россія получила Польшу безъ Познани (отошла къ Пруссіи) и сѣверной Галиціи (безъ Кракова получила Австрія), да еще отдала Австріи Тарнопольскую область съ 500,000 русскимъ населеніемъ. Австрія кромѣ того получила Тироль, Зальцбургъ, Ломбардію съ Венеціей и Далмацію; Пруссія же—половину Саксоніи и большую область на Рейнѣ. Заслуги Александра были значительнѣе тѣхъ пріобрѣтеній, которыя онъ сдѣлалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, особенно если сравнить ихъ съ пріобрѣтеніями Пруссіи и Австріи, вызванныхъ къ жизни нашимъ императорамъ.

Тѣмъ не менѣе Александръ Павловичъ не охладѣлъ къ своимъ союзникамъ. Въ слѣдующемъ 1815 году, по его мысли, между Россіей, Австріей и Пруссіей былъ заключенъ новый, такъ называемый „Священный союзъ“. Идея этого союза была навѣяна Александру тѣми великими событіями, участникомъ которыхъ ему пришлось быть. Льстецы, окружавшіе русскаго царя, говорили ему, что онъ „второй Спаситель“, что онъ „избранъ Провидѣніемъ“ устроить новое христіанское царство на землѣ, и тѣмъ поддерживали въ немъ сознаніе высокой миссіи, выпавшей на его долю. Александръ самостоятельно составилъ проектъ союза, который долженъ былъ быть, по его глубокому убѣжденію, началомъ новой христіанско-политической эры. Тутъ говорилось о той высокой любви даже къ врагамъ, которую проповѣдовалъ Іисусъ Христосъ, и которая должна была лечь въ основу отношеній между народами; указывалось, что три императора, связанные узами самой тѣсной братской любви, обѣщаютъ управлять своими подданными, какъ отцы своими семьями; поддерживать въ своихъ владѣніяхъ миръ, правосудіе, религію, считая себя только старшими тѣхъ семей, которыя ввѣрены Промысломъ ихъ попеченію; обязываются помогать другъ другу при могущихъ встрѣтиться затрудненіяхъ въ управленіи народами и т. д.

Фридрихъ-Вильгельмъ III-й охотно подписался подъ этимъ проектомъ. Мистическое его содержаніе соотвѣтствовало сентиментальной натурѣ прусскаго короля. Но австрій-

скій императоръ, не способный увлекаться, примкнулъ къ союзу лишь послѣ настойчивыхъ, грубыхъ и безцеремонныхъ увѣреній Меттерниха, что проектъ есть „самая безобидная болтовня“, (такъ угодно было отозваться надменному швабу объ актѣ, составлявшемъ святое святыхъ глубокихъ думъ Александра), очень выгодная однако для его страны. Изъ неопредѣленныхъ выраженій, въ которыхъ былъ составленъ проектъ, можно было сдѣлать самые опредѣленные выводы, которые и были сдѣланы и послужили началомъ реакціонной политики правительствъ, подписавшихся подъ актомъ. (Примкнули всѣ монархи за исключеніемъ англійскаго короля, который сочувствовалъ идеѣ союза, но не могъ подписать акта безъ согласія народа, турецкаго султана, устраненнаго Александромъ, и папы, не желавшаго жертвовать религіозными интересами католической церкви христіанско-мистическому міровоззрѣнію).

Хуже всего было то, что этимъ союзомъ Россія пристегнула себя къ тяжелой европейской колесницѣ, тянуть которую приходилось не всегда по торной дорогѣ. Народы союзныхъ государствъ скоро увидѣли истинную подкладку религіозно-политическаго союза, которымъ управлялъ хитрый Меттернихъ, поняли опасность, грозившую правамъ народнымъ и заволновались. Создатель союза навязалъ своему государству трудную задачу усмиренія революцій, возстаній народныхъ, менѣе всего грозившихъ Россіи. Во имя идеи священнаго союза австрійскій дипломатъ требовалъ отъ Россіи активнаго участія въ подавленіи всѣхъ національныхъ движеній, которыя могли быть опасны Австріи, и Россія вынуждена была посылать своихъ дипломатовъ на всѣ конгрессы и даже участвовать въ карательныхъ экспедиціяхъ, вызывавшихся заботами объ умиротвореніи Европы; должна была отказаться отъ самыхъ святыхъ своихъ традицій, освященныхъ вѣками. Христіане-греки, поднявшіе возстаніе противъ магометанской Турціи, стараніями Меттерниха, были оставлены безъ помощи Россіи, постоянной защитницы христіанскихъ народовъ отъ угнетателей турокъ. Меттерниху, удалось убѣдить Александра, что греческое

движеніе есть вѣтвь общей революціи народовъ противъ своихъ правительствъ, которыя находятся подъ защитой членовъ Священнаго союза. (Хотя турецкій султанъ и не былъ членомъ этого союза).

Смерть Александра положила конецъ политикѣ, диктовавшейся буквами акта „священнаго союза". Николай Павловичъ, поддерживая грековъ, заключилъ союзъ съ Англіей и Франціей и объявилъ войну Турціи. Однако успѣхи русскаго оружія вызвали скоро зависть Англіи и Австріи, которыя рѣшили помѣшать Россіи довести войну до благополучнаго конца. Австрія (всегда вѣрна себѣ) обратилась къ Франціи и Пруссіи съ нотой, предлагая названнымъ державамъ вмѣшаться въ войну и продиктовать Россіи условія мира съ Турціей. Къ великому огорченію австрійскихъ дипломатовъ, этотъ коварный шагъ вызвалъ благородный отпоръ Франціи, поставившей въ извѣстность авторовъ проекта, что Франція будетъ воевать въ союзѣ съ Россіей, если только Австрія объявитъ войну послѣдней. Тутъ сорвалось. Меттернихъ не успокоился и направилъ свои взоры нѣсколько въ другую сторону. Въ русской Польшѣ 29 ноября 1830 года началось возстаніе противъ Россіи. Извѣстіе объ этомъ событіи въ Вѣнѣ было встрѣчено съ величайшимъ удовольствіемъ, такъ какъ затрудненія Россіи, покровительствовавшей австрійскимъ славянамъ, на время лишили ихъ своей защитницы, а кромѣ того представлялся случай еще разъ лягнуть свою благодѣтельницу. Черезъ одного изъ Чарторыйскихъ, проживавшаго въ Вѣнѣ, Меттернихъ завелъ сношенія съ поляками, предлагавшими польскую корону одному изъ австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, если Австрія поможетъ мятежникамъ добиться своихъ цѣлей. Для переговоровъ въ Вѣну пріѣхали польскіе дѣятели— Ельскій и Бояновичъ. Однако императорскій генералъ-адъютантъ графъ Кламъ Мартиницъ, встрѣтившій пословъ недалеко отъ Вѣны (дер. Пейсдорфъ), объявилъ имъ, что имперское правительство не можетъ вести съ ними переговоровъ послѣ только что совершенныхъ поляками явно революціонныхъ актовъ и установленія Коллективнаго Народнаго Правитель-

ства. Поведеніе поляковъ Меттернихъ счелъ угрозой спокойствію народовъ Австріи, и это удержало его отъ авантюры.

Берлинскій дворъ, куда было метнулись поляки, не обнаружилъ симпатіи къ польскому дѣлу, хотя проф. Берлинскаго Университета Эдуардъ Гансъ и старался толкнуть Пруссію въ объятія Польши, обѣщая посадить на польскій престолъ прусскаго принца... Русскія войска своими удачными дѣйствіями противъ польскихъ отрядовъ охладили воинственный пылъ Австріи и тѣхъ прусскихъ мечтателей, которые надѣялись наловить рыбы въ мутной водѣ.

Скоро на западѣ разыгрались событія, грозившія большими послѣдствіями нашимъ „любезнымъ“ сосѣдямъ. Революціонное движеніе 1848 г., пронесшееся съ силой урагана по Зап. Европѣ, могучимъ валомъ ударило по тронамъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Куда дѣвались молніеносные взоры, громовыя рѣчи, коварные планы зарвавшихся швабовъ? Не слышно стало даже ихъ змѣинаго шипѣнія, которымъ они наполняли часы досуга, смакуя какую-нибудь каверзу противъ Россіи. Со взорами, исполненными мольбы, обратились они въ сторону нашей отчизны. Молодой Австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ въ письмѣ къ императору Николаю взывалъ о помощи. Дѣло въ томъ, что австрійцы не могли справиться съ венграми (Венгрія присоединена къ Австріи въ концѣ XVI в.), поднявшими возстаніе съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ имперіи Габсбурговъ и образовать самобытное Венгерское королевство.

Русскій императоръ, забывъ старые счеты съ лукавой сосѣдкой, послалъ для усмиренія венгровъ три арміи: 1) подъ командою генерала Линдерса (35,000 чловѣкъ) въ Валахію 2) 130,000 подъ начальствомъ Паскевича въ Венгрію (черезъ Карпатскіе проходы) и 3) корпусъ во главѣ съ генераломъ Панютинымъ въ Вѣну. Возстаніе было быстро подавлено. Австрія пожала плоды русскихъ побѣдъ, а Россія пріобрѣла себѣ непримиримаго врага въ лицѣ венгровъ.

Какими же мотивами руководился русскій царь, поддерживая всегда враждебную намъ Австрію? Двоякаго рода мотивы были у него. Во 1-хъ, политическаго свойства:

венграмъ помогали русскіе поляки, поступавшіе въ ряды венгерскихъ войскъ добровольцами; успѣхъ венгерскаго возстанія могъ повліять на шатающіеся умы польскаго общества, готоваго поднимать возстанія въ любой моментъ и по любому поводу. Тѣмъ болѣе надо было опасаться такого оборота дѣлъ, что въ австрійскихъ земляхъ поляки въ данный моментъ уже сочинили возстаніе противъ своего правительства, а изъ Берлина неслись голоса польскихъ патріотовъ: „да здравствуетъ Польша! Идемъ на Россію!“ Разбивъ венгровъ, Николай Павловичъ обезоружилъ поляковъ, скоро усмиренныхъ австрійцами и не успѣвшихъ начать мятежа противъ Россіи.

Другой причиной, заставившей нашего императора помогать Австріи, была личная дружба его съ Францемъ-Іосифомъ. Лучшимъ показателемъ этой дружбы является свиданіе монарховъ въ Ольмюцѣ, гдѣ послѣ долгой бесѣды Николай Павловичъ сказалъ: „между Вами и дѣтьми моими я не дѣлаю никакого различія“. Тронутый Францъ-Іосифъ бросился въ объятія Николая Павловича и съ восторгомъ вскричалъ: „между нами союзъ на жизнь и смерть!“. Видѣвшіе эту сцену солдаты кричали ура, офицеры и генералы потрясали шпагами. Расположеніе Николая Павловича къ австрійскому императору на самомъ дѣлѣ было глубокое. Со своимъ союзникомъ онъ не хотѣлъ разставаться ни на минуту. Въ кабинетѣ государя на самомъ видномъ мѣстѣ всегда стояла гипсовая статуэтка австрійскаго императора.....

Однако этой дружбѣ предстояли серьезныя испытанія. Въ 1853 г. Россія начала войну съ Турціею, которую поддерживали Франція и Англія. Вести борьбу съ такой коалиціей было трудно, но Императоръ, не расчитывавшій увидѣть противъ себя Францію, рѣшилъ все-таки итти до конца по намѣченному пути, отвергнувъ всякую мысль объ уступкѣ. Ему надо было теперь заручиться помощью или хотя бы нейтралитетомъ своего друга. Въ Австрію былъ посланъ графъ Орловъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней русскій посолъ не могъ добиться аудіенціи у Франца-

Іосифа. Императоръ веселился, развлекаясь ежедневными балами. Наконецъ Орлову удалось увидѣться съ нимъ. Францъ-Іосифъ оказался достойнымъ главой своей державы. Вмѣсто ожидаемыхъ завѣреній въ дружбѣ онъ спросилъ Орлова: „скоро ли русскіе очистятъ дунайскія княжества?“. Ничего подобнаго не ожидалъ ни Орловъ, ни пославшій его. Напрасно онъ расточалъ исполненныя негодованія рѣчи предъ австрійскимъ министромъ Боулемъ, доказывая, что Австрія дѣлаетъ войну для Россіи невозможной; дѣйствія Австріи были реальнѣе его словъ. Орловъ имѣлъ возможность на дѣлѣ убѣдиться, что съ нимъ не шутятъ: предъ его окнами прослѣдовалъ авангардъ австрійской арміи, направлявшійся на Дунай, въ тылъ русскимъ войскамъ. Медлить было нельзя, однако и ѣхать съ такимъ отвѣтомъ въ Россію было рисковано. Орловъ послалъ депешу императору, а самъ застрялъ въ пути, сказавшись больнымъ. Николай Павловичъ прочелъ донесеніе съ видимымъ спокойствіемъ, и только черепки разбитой вдребезги статуэтки Австрійскаго императора говорили о глубокомъ возмущеніи императора. „Довѣріе, соединявшее досель обоихъ монарховъ ко благу ихъ государствъ, разрушено, искреннія отношенія между ними не могутъ долѣе продолжаться“, сказалъ императоръ графу Эстергази.

Коварный поступокъ Австріи не измѣнилъ плановъ императора. Наоборотъ, онъ взялся за дѣло съ большей энергіей, хотя Россія теперь одна стояла предъ лицомъ огромной коалиціи [1]). Война, стоившая намъ большихъ жертвъ, окончилась однако не такъ худо, какъ можно было ожидать. Кромѣ того, она показала русскому правительству и народу больныя мѣста государственнаго организма, а, съ другой стороны, еще разъ убѣдила, что нѣмецъ и русскій не могутъ быть друзьями....

1863 годъ привелъ къ новымъ (дипломатическимъ) столкновеніямъ съ Австріей. 13 апрѣля этого года, въ са-

[1]) Пруссія, на которую могла расчитывать Россія въ виду всего сдѣланнаго ею для этой державы, не принимала участія ни съ той ни съ другой стороны,

мый разгаръ польскаго возстанія, канцлеръ Горчаковъ получилъ отъ представителей Австріи, Англіи и Франціи ноты съ требованіемъ улучшить положеніе поляковъ. Въ іюнѣ эти державы прислали новыя ноты, требуя амнистіи возставшимъ, уступокъ полякамъ въ предѣлахъ конституціи 1815 года и созванія конгресса, на которомъ державы сообща думали разрѣшить польскій вопросъ. Горчаковъ не испугался и далъ (съ согласія императора) достойный отвѣтъ, который былъ опубликованъ и вызвалъ въ русскомъ обществѣ горячее сочувствіе. Вмѣшательство иностранцевъ (и особенно ненавистной Австріи) въ русскія дѣла пробудило въ обществѣ необыкновенный патріотизмъ, обѣщавшій правительству могучую поддержку. Не учесть этого обстоятельства не могли европейскіе дипломаты и вынуждены были отступить, ограничившись упомянутыми двумя холостыми выстрѣлами.

Въ дальнѣйшихъ нашихъ отношеніяхъ къ нѣмецкому міру вплоть до освободительной русско-турецкой войны не встрѣчается сколько-нибудь выпуклыхъ событій, которыя бы могли остановить на себѣ наше вниманіе. Отношенія были условно-добрососѣдскими. Россія залѣчивала свои раны, полученныя въ Крымскую войну, а нѣмцы были заняты своими дѣлами—объединеніемъ нѣмецкаго міра. Дѣла шли у нихъ не совсѣмъ гладко. Изъ-за права первенства Австрія и Пруссія даже порядочно подрались между собою (1866 г.), при чемъ побѣда осталась на сторонѣ Пруссіи. Вѣроисповѣдные и національные интересы народностей, тянувшихъ къ Австріи или Пруссіи, были слишкомъ различны, и это помѣшало нѣмцамъ окончательно объединиться. Малосильная, но коварная Австрія осталась при своихъ Габсбургахъ, а необыкновенно скоро окрѣпшая но тоже не совсѣмъ опрятная Пруссія осталась подъ желѣзной рукой Гогенцоллерновъ.

Съ Пруссіей Россія довольно долгое время жила въ мирѣ и даже поддерживала интересы Гогенцоллерновъ. Въ этотъ злосчастный періодъ Германія успѣла разгромить Францію (въ 1870—1871 г.).

Но скоро отношенія испортились. Въ 1875 году Бисмаркъ хотѣлъ повторить нападеніе на Францію съ намѣреніемъ уничтожить сосѣдку, мечтавшую о реваншѣ. Канцлеру помѣшала Россія, которую на этотъ разъ ему не удалось заставить служить интересамъ Германіи. Подобное усиленіе Пруссіи было не въ интересахъ русскаго государства. Когда Бисмаркъ въ своихъ газетахъ сталъ готовить общество къ новому походу во Францію и послалъ Радовича въ Петроградъ съ миссіей добиться согласія русскаго императора на этотъ шагъ, Александръ II-й не только отвѣтилъ отказомъ, но пріѣхалъ въ Берлинъ и заявилъ рѣшительный протестъ противъ намѣреній Берлинскаго двора. Раздосадованный канцлеръ сталъ думать о томъ, какъ бы отомстить Россіи. Случай скоро представился. Въ 1876 году вспыхнуло возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ, произошла рѣзня въ Болгаріи. Турція, конечно, не допускала вмѣшательства иностранныхъ державъ въ свои внутреннія дѣла. Россія же не могла слышать стоновъ угнетаемыхъ славянъ. Вопросъ предстояло разрѣшить оружіемъ. Бисмаркъ и Андраши, австрійскій посолъ, при свиданіи съ Горчаковымъ (въ Берлинѣ) не мѣшали ему возмущаться турецкими звѣрствами и доказывать необходимость войны. Она была выгодна и для Пруссіи и для Австріи, такъ какъ обѣщала ослабить воинскую мощь Россіи. Австрія за нейтралитетъ потребовала одного—чтобы военныя дѣйствія не распространялись на Константинополь. Пруссія же и объ этомъ не говорила. Разрѣшивъ такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи державъ къ предполагаемой войнѣ, Россія открыла военныя дѣйствія, которыя привели ее къ полной побѣдѣ въ 1878 году. Послѣдовавшій затѣмъ Санъ—Стефанскій договоръ принесъ Россіи самые блестящіе результаты. Однако лавры Россіи не давали спать Бисмарку и Андраши. Австрія вошла въ соглашеніе съ Англіей, ревниво смотрѣвшей на быстрые успѣхи русскихъ на Востокѣ, и вмѣстѣ съ ней заявила протестъ противъ Санъ—Стефанскаго договора. Грозила вспыхнуть война между Россіей, съ одной стороны, и Австріей и Англіей,

съ другой. Тогда въ роли „честнаго маклера“ выступилъ Бисмаркъ, который предложилъ разрѣшить недоразумѣніе на европейскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ.

Не зная коварныхъ замысловъ „желѣзнаго канцлера“, русскіе дипломаты согласились. Вѣдь совсѣмъ недавно Игнатьевъ (русскій посолъ), посѣтившій Бисмарка, слыхалъ отъ него: „какъ другъ и сосѣдъ, я готовъ быть вашимъ секундантомъ, если вы захотите воевать; если же вы предпочтете мирный исходъ, я не прочь заявить во всеуслышаніе, что вы (русскіе) правы и откровенно высказать англичанамъ мое мнѣніе, если къ тому представится случай“. Надежды русскихъ дипломатовъ на помощь Бисмарка однако не оправдались. Мстя Россіи за 1875 годъ, онъ добился дипломатическаго пораженія ея представителей (Горчакова и Шувалова), которое самъ тщательно подготовилъ. Бисмаркъ использовалъ конгрессъ въ интересахъ своихъ будущихъ союзниковъ; не забылъ онъ, конечно, и своей Германіи. Еще въ 1877 году онъ говорилъ Игнатьеву: „война дастъ возможность осуществить законныя права Россіи и успокоитъ національное чувство; тогда храбрые русскіе воины не будутъ болѣе завидовать лаврамъ Пруссіи и успокоятся относительно нѣмцевъ“. Война успокоитъ и Австрію, говорилъ онъ. „Надо предоставить Вѣнскому кабинету дѣятельное участіе въ дѣлахъ Востока, вознаградивъ его этимъ за всѣ неудачи, причиненныя ему нѣкогда Германіей и Италіей“. Францъ-Іосифъ долженъ былъ получить не только нравственное удовлетвореніе, но и нѣкоторыя территоріальныя пріобрѣтенія. Теперь, по его мнѣнію, былъ удобный случай дать ему удовлетвореніе, не вызывая европейской войны. Это было дѣлью Бисмарка, этого онъ и добился. Пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи, установленныя по Санъ-Стефанскому договору, были сокращены; Болгарія— раздѣлена на 2 области и оставлена подъ покровительствомъ Турціи; Боснія и Герцоговина поступили во временное владѣніе Австро-Венгріи.

Сдѣлавъ свое дѣло, Бисмаркъ зло насмѣялся надъ русскими дипломатами, довѣрившими интересы своей страны

въ чужія руки. Онъ говорилъ, что Шуваловъ и Горчаковъ исполняли свои обязанности такъ, какъ будто-бы они служили на германской службѣ, называлъ ихъ „глупыми людьми“ („dumme Kerle“) и т. п. Поведеніе Бисмарка на Берлинскомъ конгрессѣ вызвало сильное недовольство русскаго общества противъ Германіи. Возмущеніе, охватившее русское общество, было столь велико, что Бисмаркъ счелъ его серьезной угрозой для его страны и постарался поскорѣе (1879 г.) заключить наступательно-оборонительный союзъ съ Австріей. Впослѣдствіи къ этому союзу присоединилась и Италія. „Такъ создалась дипломатическая комбинація, направленная одновременно противъ Россіи и Франціи“, о чемъ 25 января 1888 года самъ Бисмаркъ сказалъ въ произнесенной имъ въ рейхстагѣ рѣчи.

Наиболѣе дальновидные люди понимали, что близокъ моментъ кровавой борьбы германизма со славянствомъ, борьбы, которая должна рѣшить вопросъ о дальнѣйшей исторической роли воинствующаго германизма и мирнаго славянства, вопросъ даже о самомъ существованіи нѣкоторыхъ вѣтвей славянства, съ одной стороны, или всѣхъ германскихъ державъ, съ другой. И германскіе и славянскіе дѣятели, въ виду предстоящей борьбы, старались сплотить народы своего корня вокругъ наиболѣе могучихъ его отраслей. Горячимъ проводникомъ славянскаго единства былъ между прочимъ „бѣлый генералъ“ — Скобелевъ. Въ своихъ рѣчахъ за границей и въ Россіи онъ предупреждалъ славянъ о грозящей опасности, о необходимости братскаго единенія славянскихъ народовъ для борьбы съ германизмомъ и т. д. Подобныя выступленія никогда не оставались безнаказанными со стороны нѣмцевъ. Въ народѣ до сего времени живетъ убѣжденіе, что нѣмыя стѣны одной изъ московскихъ гостиницъ (Дюссо) были свидѣтельницами гнуснѣйшей мести маститому генералу за его смѣлыя рѣчи противъ германизма; изъ рода въ родъ будетъ передаваться сказаніе о томъ, что Скобелевъ былъ отравленъ одной изъ „культурныхъ“ представительницъ нѣмецкаго міра. Послѣ Скобелева мы уже не видимъ такихъ выпу-

клыхъ носителей славянской идеи. Зато нѣмцы никогда не переставали слышать крики своихъ вожаковъ о міровой роли германской націи. Тотъ же самый Бисмаркъ, который положилъ начало союзу Германіи съ Австріей, старался вдолбить въ умы своихъ сородичей мысль о томъ, что славянство кровный врагъ нѣмцевъ. Въ своей дѣятельности (послѣ Берлинскаго конгресса) онъ держался явно вызывающей по адресу Россіи политики. Мало-по-малу къ союзу онъ старался привлечь другія государства, не тяготѣвшія къ Франціи и Россіи. „Представители Румыніи, Греціи, Турціи, Испаніи, Швеціи, Англіи, Норвегіи и Сербіи совершили паломничество въ Берлинъ, желая возможно дороже продать свою дружбу германскому имперскому канцлеру". Въ самой Германіи и дружественной ей Австріи шли энергичныя работы по вооруженію арміи и увеличенію ея состава. Бисмаркъ требовалъ, чтобы число солдатъ въ мирное время было увеличено на 40,000 человѣкъ; новый законъ о ландверѣ и ландштурмѣ увеличивалъ въ военное время численность арміи на 500,000 человѣкъ. То же дѣлали и въ Австріи. Въ германской печати, воодушевляя бюргеровъ, кричали о финансовомъ кризисѣ въ Россіи, говорили, что Россія стоитъ на краю банкротства и т. д.

Въ Россіи на всю эту шумиху смотрѣли со спокойствіемъ льва, досаждаемаго комаромъ. Въ „Русскомъ Инвалидѣ" была напечатана статья, въ которой очень просто, съ сознаніемъ силы говорилось, что Россіи „не страшны силы всей лиги мира" (такъ Бисмаркъ называлъ свой союзъ). Въ безсильной злобѣ противъ нашего отечества, управляемаго Императоромъ Александромъ III-мъ, Бисмаркъ дошелъ до истерическихъ выкрикиваній о двухмилліонной арміи, которую онъ обѣщалъ выставить противъ Россіи и Франціи, о необыкновенной мощи Германіи, которая „никого не боится, кромѣ Бога"... Онъ могъ объ этомъ не говорить, потому что Россія то во всякомъ случаѣ Германіи не боялась.

Это очень хорошо понималъ молодой императоръ Вильгельмъ II-й, вступившій на прусскій престолъ въ 1888 г. Талантливаго вояку въ мирное время Вильгельмъ отставилъ

отъ дѣлъ, находя чрезвычайно агрессивную политику канцлера не соотвѣтствующей состоянію Германіи.

Однако это не значило, что намѣренія Бисмарка помѣряться силами съ Россіей и Франціей были чужды Вильгельму II-му. Эту мысль онъ лелѣялъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Подъ звуки фабричнаго молота, ковавшаго орудія смерти, она окрѣпла, прошла цѣлое горнило искушеній и, наконецъ, вылилась въ чудовищный вызовъ, брошенный нашей родинѣ, а съ нею славянству и всей культурной Европѣ.

Прослѣдивъ исторію нашихъ отношеній къ нѣмецкимъ державамъ, съ которыми Россія теперь ведетъ войну, мы видимъ, что рѣдко когда отношенія съ ними были добрососѣдскими. За безконечное великодушіе, постоянную готовность притти на помощь нѣмцы платили Россіи самымъ безстыднымъ коварствомъ, грубымъ обманомъ, низкимъ вѣроломствомъ. И тѣмъ не менѣе во внутренней жизни нашего государства они не только играли роль, но по временамъ получали прямо доминирующее положеніе.

Непонятное раболѣпство русскаго человѣка предъ иностранцами, съ одной стороны, и нахальство этихъ пришлецовъ, съ другой, создавали имъ такое положеніе. Нужда въ иностранцахъ была временная, а власть ихъ стала постоянною. Унаслѣдовавъ отъ Петра Великаго привычку вести знакомство съ нѣмцами, русскіе люди до самаго послѣдняго времени не могли притти къ мысли, что пора стряхнуть съ лица русской земли этихъ наразитовъ, которые присосались къ самымъ лучшимъ мѣстамъ могучаго организма нашего отечества и систематически вотъ уже два столѣтія тянутъ изъ него здоровые соки. Трудно учесть, во что обошлось намъ нѣмецкое господство за этотъ періодъ, но что русское государство страдало и до настоящаго времени страдаетъ отъ назойливыхъ опекуновъ въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, за это говоритъ и исторія.

Самыя блестящія нѣмецкія имена, записанныя въ русской исторіи, имѣютъ на себѣ рядъ черныхъ несмываемыхъ пятенъ, которыя не могутъ быть скрыты заслугами ихъ

носителей предъ Россіей. Сподвижникъ Петра—Яковъ Лефортъ, сынъ негоціанта, дослужившійся до званія перваго генерала, перваго адмирала, сдѣлавшійся самымъ довѣреннымъ статсъ-министромъ царя, пользуясь его расположеніемъ къ себѣ, старался оттѣснить отъ власти русскихъ вельможъ, которые казались опасными его могуществу. Лефортъ, говорятъ, разстраивалъ добрыя отношенія Петра съ его женой Евдокіей Ѳеодоровной. Онъ участвовалъ въ казни стрѣльцовъ въ 1698 г., получивъ топоръ отъ государя (нѣкоторые историки не вѣрятъ этому.)

Генрихъ-Иванъ-Фридрихъ Остерманъ, начавшій свою службу при Петрѣ, оказавшій Россіи своимъ умомъ большія услуги, былъ арестованъ при имп. Елизаветѣ и обвиненъ въ томъ, что хлопоталъ о возведеніи на русскій престолъ Курляндской герцогини Анны вмѣсто Елизаветы; что онъ привелъ въ упадокъ флотъ, заставивъ тѣмъ Россію искать дружбы морскихъ державъ; что онъ добился осужденія Долгорукихъ въ послѣдніе годы царствованія Анны Ивановны; что онъ совѣтовалъ заключить Елизавету въ монастырь и т. д. Во время ареста у Остермана оказалось очень приличное состояніе. Кромѣ дома (нынѣшнее зданіе сената немного въ меньшихъ размѣрахъ) и помѣстій у него нашли 11,000 фунтовъ стерлинговъ и 130,000 гульденовъ, хранившихся въ Лондонѣ и Амстердамѣ и т. п.

Минихъ въ письмѣ къ принцу Лудвигу гессенъ-гомбургскому доказывалъ права Гессена на Курляндію.

Однако темныя дѣла Лефорта, Остермана, Миниха и всевозможныхъ менѣе извѣстныхъ дѣльцовъ, въ родѣ Адама Вейде, ходившаго за ядомъ къ аптекарю для царевича Алексѣя, Ивана Шлятера, подписавшаго смертный приговоръ Мировичу, цѣлаго ряда женщинъ-авантюристокъ (Анна Крамеръ, Кайзерлингъ, Балкъ и др.) были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что продѣлывалъ надъ несчастною Россіей временщикъ Иванъ Бирономъ въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ, когда онъ находился у власти. Ненавидя Россію и все русское, Биронъ далъ полную волю своимъ грубымъ, нечеловѣческимъ наклонностямъ. Русскихъ людей онъ

обиралъ, поролъ, сажалъ въ тюрьмы, колесовалъ, четвертовалъ, отправлялъ въ ссылки. Къ этому сводилась вся дѣятельность Бирона въ правленіе Анны Іоанновны. Деньги, собиравшіяся съ народа съ большою жестокостью, Биронъ проигрывалъ въ карты или тратилъ на сказочныя празднества, которыя должны были забавлять его. Люди знатныхъ русскихъ фамилій приносились въ жертву его стремленію составить нѣмецкую правящую партію. Цѣлая семья Долгорукихъ (Василій и Михаилъ Владимировичи, Василій Лукичъ, Иванъ Алексѣевичъ, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи) послѣ пытки на дыбѣ были осуждены на смерть черезъ колесованіе, четвертованіе, отрубливаніе головъ и т. д. Князь Дмитрій Михаиловичъ Голицынъ былъ осужденъ на смертную казнь, но, по милости императрицы, казнь была замѣнена заключеніемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и конфискаціей имущества. Кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волынскій, очень способный русскій человѣкъ, горячо любившій свою родину, погибъ, такъ какъ осмѣлился сказать государынѣ о недостойномъ поведеніи Бирона. Злой нѣмецъ добился суда надъ своимъ противникомъ, отдалъ его на пытки и казнь. Въ застѣнкѣ, гдѣ пытали Волынскаго, его вздернули за руки къ потолку, привязавъ предварительно къ ногамъ тяжелое бревно. Руки вывернулись изъ своихъ суставовъ. Волынскій ужасно страдалъ, но этого было мало его врагу. Слѣпое орудіе Бироновой злобы-палачъ нанесъ рядъ ударовъ по спинѣ Волынскаго кнутомъ, сплетеннымъ изъ воловьихъ жилъ. Послѣ 21-го удара, когда вся спина истязуемаго представляла сплошной окровавленный кусокъ мяса, Волынскій потерялъ сознаніе. Скоро его (вмѣстѣ съ совѣтникомъ Хрущовымъ и архитекторомъ Еропкинымъ) казнили, отрубивъ руку и голову. Вотъ какъ нѣмецъ расправлялся съ тѣми, кто любилъ Россію.

За всѣ свои злодѣянія, имъ же нѣсть числа, Биронъ, опутавшій всю Россію цѣлою сѣтью шпіоновъ, служившихъ негодяю, поплатился ссылкой въ Пелымъ въ правленіе Іоанна Антоновича.

Правленіе Бирона и его приспѣшниковъ заставило многихъ русскихъ людей бѣжать за границу или въ далекую Сибирь. Не скоро русскіе люди получили подобающее имъ мѣсто. Зато нѣмцы не забывали счастливаго для нихъ времечка и продолжали третировать и угнетать русское общество. Когда великій русскій ученый Ломоносовъ вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ получалъ образованіе, нѣмцы, набившіеся въ нашу академію, не признавая ученыхъ заслугъ Ломоносова, не хотѣли принять его въ свою среду. По милости начальника академіи, отказавшаго Михаилу Васильевичу въ аудіенціи, нашъ ученый первую ночь, по возвращеніи изъ-за границы, долженъ былъ провести на улицѣ. Къ счастью, надъ Ломоносовымъ сжалился сторожъ академіи и пріютилъ его на ночь. Такъ поступали пришельцы съ великими русскими людьми; что же могли ожидать отъ нихъ обыкновенные смертные?...

Иногда въ русскомъ обществѣ высказывался протестъ противъ нѣмецкаго засилья, противъ увлеченія нѣмецкими фокусами, мало подходящими къ условіямъ русской жизни. Но этотъ протестъ звучалъ глухо, вырывался изъ устъ отдѣльныхъ личностей (хотя иногда и очень значительныхъ) и потому не производилъ надлежащаго впечатлѣнія, на кого слѣдуетъ. Каждому грамотному извѣстны афоризмы Суворова, направленныя противъ тѣхъ новшествъ, которыя были перенесены отъ нѣмцевъ въ русскую армію при Павлѣ 1-мъ и раньше. „Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ,—я не нѣмецъ, а коренной русакъ,“ говорилъ геніальный полководецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой протестъ противъ увлеченія нѣмецкими выдумками былъ у многихъ на устахъ, но онъ произносился слишкомъ робко, а иногда такъ и не сходилъ съ языка придавленнаго русскаго населенія. Въ концѣ концовъ, благородный голосъ русской мысли почитался возмущеніемъ противъ существующаго порядка вещей, направленнымъ къ его ниспроверженію и т. д. Виновный подвергался опалѣ, отправлялся въ ссылку, а иногда кончалъ свою жизнь еще хуже. Никто не хотѣлъ вникнуть въ то, что русскій имѣетъ право

бороться противъ угнетенія пришельцами, у которыхъ всегда въ рукахъ почему то дирижерская палочка. Они задаютъ тонъ и нашей внѣшней политикѣ, и торговлѣ, и просвѣщенію; они и лучшіе военачальники, и лучшіе просвѣтители, и лучшіе политики; они же и прекрасные хозяева, которые соотвѣтственно своимъ качествамъ должны получить наши лучшія земли. [1]) Они великолѣпные техники, поэтому имъ надо отдать всѣ наши заводы. Они даже восхитительные шпіоны, поэтому нѣтъ смысла скрывать отъ нихъ государственныя тайны.

[1]) Тутъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о нѣмецкихъ колонистахъ въ Россіи. Впервые наша родина увидала ихъ во времена Екатерины, которая, желая скорѣе заселить новозавоеванныя земли, приглашала въ свою страну иностранцевъ. Пришельцы получали земли безвозмездно, освобождались на 30 лѣтъ отъ воинской службы и податей и даже надѣлялись деньгами. Льготныя условія тогда же привели въ Россію до 25000 нѣмецкихъ колонистовъ. Съ легкой руки Екатерины притокъ нѣмецкихъ поселенцевъ изъ царствованія въ царствованіе увеличивался и, наконецъ, число ихъ дошло до милліонныхъ размѣровъ.

Отпуская въ русскую землю своихъ людей, нѣмецкія правительства кое-что смекали и стали направлять здѣсь колонизаціонное теченіе по тому руслу, которое диктовалось стратегическими соображеніями. Они постепенно прибрали къ рукамъ земли поплодороднѣе и поближе къ себѣ, стараясь создать изъ нихъ аванъ-посты германизма на случай борьбы съ Россіей. Надо отдать честь нѣмцамъ—своей цѣли они добились. Ихъ колонисты плотнымъ кольцомъ охватили коренныя русскія области, наиболѣе густо заселивъ губерніи--Петроградскую, Лифляндскую, Эстляндскую, Курляндскую, Ковенскую, Гродненскую, Плоцкую, Варшавскую, Калишскую, Петроковскую, Люблинскую, Волынскую, Кіевскую, Бессарабскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую (и Крымъ), область войска Донского, Кубанскую область, Саратовскую и Самарскую. Въ Петроковской, Волынской, Херсонской, Саратовской и Самарской губерніяхъ нѣмецкихъ колонистовъ насчитывается больше, чѣмъ по 100,000 человѣкъ въ каждой. Въ Петроградской, Лифляндской, Эстляндской, Калишской, Бессарабской, Екатеринославской и др. ихъ живетъ отъ 50,000 до 100,000 человѣкъ въ каждой. Въ другихъ названныхъ губерніяхъ нѣмецкіе колонисты насчитываются десятками тысячъ.

Захвативъ огромныя площади плодородныхъ земель, нѣмцы старались окончательно вытѣснить изъ занятыхъ ими губерній русскихъ

Захвативъ въ свои руки все, что у насъ было и есть самаго лучшаго, нѣмцы, развалясь на занятыхъ ими мѣстахъ съ важностью сыто поѣвшихъ свиней, стали забивать намъ въ головы идею о какомъ-то сверхчеловѣкѣ, котораго надо искать только въ нѣмцѣ; на каждомъ перекресткѣ поставили глашатаевъ, распинающихся о великой германской культурѣ, которая должна побѣдить весь міръ и т. п. Русское искусство, наука, техника и пр. для нихъ не существовали и не существуютъ. Состоя на русской службѣ, получая русскіе чины, отъѣдаясь русскимъ хлѣбомъ, эти

землевладѣльцевъ. „Относительно Бессарабской губ. въ 1911—1912 г.г. былъ констатированъ фактъ перехода къ нѣмецкимъ колонистамъ помѣщичьихъ земель общей площадью 11,500 десятинъ". „Въ 1913 году Сувалкскій губернаторъ сообщалъ, что площадь нѣмецкаго землевладѣнія во ввѣренной ему губерніи достигаетъ 5% всего пространства". „Въ Калишской губерніи нѣмецкій колонистъ Юліусъ Мильбранъ купилъ цѣлый рядъ частныхъ имѣній на средства, полученныя имъ, за неимѣніемъ собственныхъ, изъ прусскаго источника, а затѣмъ распродалъ таковыя исключительно нѣмецкимъ колонистамъ, не допуская къ покупкѣ ни одного мѣстнаго крестьянина".

„Занятыя этими колонистами земли расположены или непосредственно на прусской и австрійской границахъ, или вблизи ихъ, при чемъ нѣкоторыя находятся надъ большими озерами, гдѣ развиваются военныя дѣйствія германскихъ войскъ".

Очень часто колонисты прилагаютъ много стараній къ тому, чтобы приспособить свои новыя владѣнія для передвиженія большихъ войсковыхъ массъ, создаютъ изъ колоній военную операціонную базу. „Въ 1913 г. нѣмецкій уроженецъ Гасбахъ, принявшій русское подданство, намѣревался произвести осушительныя работы на купленномъ имъ участкѣ земли въ долинѣ рѣки Бобра, вблизи крѣпости Оссовецъ, Этою осушкою создавались выгодныя условія для германскихъ войскъ, въ случаѣ перехода ихъ черезъ названную долину". „Въ селеніи Тынецъ, подъ самымъ Калишемъ, четыре года назадъ нѣмецъ Штенцель пріобрѣлъ нѣсколько десятинъ земли и устроилъ на ней кирпичный заводъ", къ которому проложилъ черезъ рѣку большой мостъ, служащій „единственнымъ проходомъ по Лодзинско-Калишскому шоссе. Немедленно по вступленіи въ Калишъ пруссаки освѣдомились о томъ, гдѣ находится кирпичный заводъ Штенцеля и..., найдя, превратили его цѣлой системой сооруженій въ фортъ" и т. д.

Нѣмецкіе колонисты, записываясь въ русское подданство, никогда не порывали связи съ своей прежней родиной (двойное подданство).

„сверхчеловѣки“ знать не хотятъ Россіи и ея интересовъ. Деньги и только деньги нужны имъ. Получивъ ихъ, они стараются избытокъ перевести въ свой Faterland, выписывая оттуда книги, журналы, предметы домашняго обихода, комфорта и т. д. Въ Германіи все идеально, въ Россіи все мерзко... Своею крикливостью они добились того, что и среди русскихъ людей нашлись мудрецы, твердящіе о великой нѣмецкой націи, подчиненіе которой есть дѣло всякаго болѣе или менѣе культурнаго человѣка. Попробовалъ бы кто-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ

Сюда скрывались уклоняющіеся отъ военной службы: (въ 1906 г. уклонилось $13^1/_2\%$ общаго числа колонистовъ, въ 1907—$19^1/_2\%$, въ 1908 г. —$20^1/_2\%$, въ 1909 г.—$22^1/_2\%$), чтобы отбыть ее въ рядахъ германской и австрійской армій; оттуда они получали инструкціи насчетъ завладѣнія землями вблизи стратегическихъ дорогъ; туда они посылали добытыя ими свѣдѣнія о военныхъ мѣропріятіяхъ нашего государства, о передвиженіи войскъ, о настроеніи общества; „проживающіе въ пограничной полосѣ нѣмецкіе колонисты обязаны, въ случаѣ наступленія германской арміи, предоставлять въ ея распоряженіе квартиры и фуражъ, а при требованіи послѣдняго для нуждъ русской арміи его жечь, за что имъ обѣщано особое отъ германскаго правительства вознагражденіе“.

Въ Берлинѣ есть „общество попеченія о нѣмецкихъ переселенцахъ, возвращающихся въ Германію“; общество это не пыталось возвратить въ Германію нѣмцевъ колонистовъ изъ важныхъ русскихъ стратегическихъ районовъ, но старалось, наоборотъ, усилить ихъ приливъ въ такого рода районы. Въ мѣстностяхъ, лишенныхъ военнаго значенія, общество развивало широкую агитацію въ пользу возвращенія колонистовъ въ Германію или переселенія ихъ въ другія русскія мѣстности, интересныя въ военномъ отношеніи. Эти стремленія общества разрѣшались усиленнымъ переселеніемъ нѣмцевъ изъ однѣхъ русскихъ мѣстностей въ другія. Такъ, въ Волынской губ. имѣлись агенты общества, переправлявшіе въ Прибалтійскій край всѣхъ колонистовъ, которые намѣревались возвратиться въ Германію“... Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что колонисты никогда не порывали связи съ Германіей. Можно не обинуясь сказать, что нѣтъ колоніи, нѣтъ колониста, которые такъ или иначе не служили своему кайзеру.

Отъ нѣмецкихъ колонистовъ не отстаютъ и наши лойяльные прибалтійскіе бароны и баронессы, графы и графини, покорные слуги кайзера, которому они служатъ и отъ котораго, конечно, получаютъ. Иначе какъ могутъ быть объяснены всѣ тѣ случаи, о которыхъ

сказать что-нибудь обидное по адресу „культурнаго“ нѣмца, его заплевали бы, заклевали, сравняли бъ съ дикаремъ; ему грозила бы даже серьезная опасность. Когда извѣстный публицистъ Катковъ послѣ Берлинскаго конгресса и заключенія союза между Австріей и Пруссіей сталъ предостерегать Россію противъ двоедушной Пруссіи, такъ противъ него подняли цѣлую компанію и только заступничество самого Александра III-го избавило его отъ бѣды.

Что же хорошаго сдѣлали для Россіи эти наглецы, которымъ такъ хорошо удалось у насъ устроиться? Чѣмъ

сообщилъ въ своей лекціи членъ Государственной Думы Мансыровъ? Воспользуемся его сообщеніями, они очень убѣдительны и любопытны. „Въ имѣніи Элей, Добленскаго уѣзда, владѣльцемъ котораго является графъ Медемъ, въ должности лѣсничаго, его помощника и пивовара въ послѣднее время состояли германскіе подданные. Управлялъ имѣніемъ офицеръ запаса германской арміи. Наканунѣ объявленія войны всѣ эти лица исчезли“. „Баронъ фонъ-Мантейфель, видный дѣятель „Нѣмецкаго общества“, еще за годъ до войны старался всѣми мѣрами склонить мѣстныхъ латышей уступать земельные участки мѣстнымъ колонистамъ, увѣряя, что въ скоромъ времени въ краѣ могутъ появиться нѣмецкіе солдаты, и латышамъ все равно придется уйти“.— „Въ имѣніи Кацданковъ, барона К. фонъ-Мантейфеля, всѣ безъ исключенія служащіе набраны изъ нѣмцевъ. Въ первое время войны, когда въ районѣ Газенпотскаго и Гробинскаго уѣздовъ часто появлялись германскіе аэропланы, по ночамъ здѣсь производилась своеобразная сигнализація при помощи медленно спускающихся ракетъ. Сигнализировали изъ такъ называемаго кладбища—мѣста въ паркѣ, огороженнаго высокой каменной стѣной, куда никто изъ мѣстныхъ жителей не допускался“. „Въ имѣніи Графенталь, барона Клопмана, состояло на службѣ много германскихъ подданныхъ, и управлающимъ имѣнія былъ офицеръ запаса германской арміи. Наканунѣ объявленія войны къ г. Клопману съѣхались около 60-ти человѣкъ изъ сосѣднихъ имѣній, владѣльцевъ управляющихъ и служащихъ. На другой день управляющій имѣніемъ исчезъ“. „При станціи „Штокмансгофъ“ находится имѣніе Альтъ-Шванебургъ, принадлежавшее баронессѣ Вольфъ, вышедшей замужъ за графа Цеппелина. На эту станцію было получено изъ Риги два вагона бензина, неизвѣстно для какихъ цѣлей, такъ какъ промышленныхъ заведеній въ окрестностяхъ нѣтъ. Спустя недѣлю мѣстные жители нашли аэропланъ на землѣ имѣнія Хинценбергъ, принадлежащаго барону Вольфу, къ которому перешло и имѣніе Альтъ“.— Эти факты не случайность, нѣтъ, они продиктованы системой, выра-

они отвѣтили нашей родинѣ за гостепріимство и ласку?— Угнетеніемъ русскаго люда, самыми обидными издѣвательствами надъ русскими людьми, ихъ наукой, искусствомъ, укладомъ жизни, самыми блестящими пораженіями въ области внѣшней политики и т. д. А сколько обидныхъ воспоминаній о нихъ осталось отъ русско-японской войны? Ни для кого теперь не секретъ, что во время этой войны нашими войсками руководили бездарные люди, и среди такихъ первыя мѣста принадлежали нѣмцамъ. О, если бы вмѣсто всякихъ...., „имена ихъ же Ты Самъ, Господи, вѣси“, были Ивановы, Рузскіе, Никитины, Брусиловы, Драгомировы, Алексѣевы и пр., компанія могла бы кончиться иначе. Они не сочиняли бы рапортовъ о дутыхъ побѣдахъ надъ дивизіями и корпусами, когда имѣли дѣло только съ ротами и въ лучшемъ случаѣ съ батальонами. Они не стали бы возиться съ коровами, когда надо было быть въ кругу солдатъ..... Ихъ грѣхи заглаживаютъ русскіе герои настоящей войны.

А сколько зла принесъ нашему государству пресловутый дипломатъ Нессельроде, систематически втягивавшій Россію въ авантюры одна безполезнѣй другой. „Похожій на недоноска, вылѣзшаго изъ спиртовой банки“, этотъ нѣмецъ составилъ себѣ въ Россіи замѣчательную карьеру, добился самыхъ отвѣтственныхъ назначеній и въ теченіе почти полустолѣтія игралъ судьбами Россіи. Сначала въ качествѣ русскаго посланника за границей, а съ 1814 г., какъ глава министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ былъ покорнымъ слугой австрійскаго дипломата Меттерниха, котораго Нессельроде почиталъ за генія и потому ходилъ

ботанной тѣмъ „нѣмецкимъ обществомъ“, „которое раскинуло свою дѣятельность на всѣ три губерніи Прибалтійскаго края“. „Прибалтійскіе помѣщики“, также какъ и колонисты, „подъ всякими предлогами стараются выселить изъ своихъ владѣній эстонцевъ и латышей и заселить ихъ нѣмцами“. „Они не чувствуютъ нравственной связи съ остальною массою населенія“, имъ ближе Германія, чѣмъ Россія. Они ея враги, а потому и они должны очистить занимаемыя ими земли. Правительство придетъ въ этомъ имъ на помощь и съ тѣмъ же искусствомъ постарается освободить русскую землю отъ нѣмцевъ, съ какимъ они—очищали ее отъ русскихъ.

предъ нимъ на заднихъ лапкахъ. Меттернихъ этимъ благоговѣніемъ русскаго дипломата, конечно, постарался воспользоваться и чрезъ своего почитателя подчинилъ интересамъ Австріи русскую политику. Читая записки современниковъ о Меттернихѣ и Нессельроде, невольно приходишь къ заключенію, что послѣдній былъ просто агентомъ австрійской дипломатіи. Онъ очень много помогалъ русскому послу въ Австріи—Толстому вовлечь Россію въ сферу австрійскаго вліянія. Меттернихъ съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что „Толстой повторилъ мнѣ то же, что раньше говорилъ Нессельроде, что его инструкціи предписываютъ ему вполнѣ положиться на меня“ (Меттерниха). Эти господа увѣряли Австрію, что „русскій дворъ, несмотря на крайне обманчивые внѣшніе признаки, безусловно раздѣляетъ взгляды“ австрійскаго двора относительно Наполеона. (На самомъ дѣлѣ эти взгляды были до крайности противоположны). Мы знаемъ, что Императоръ Александръ предъ Тильзитомъ искалъ сближенія съ Наполеономъ, но Нессельроде (бывшій тогда еще секретаремъ при П. А. Толстомъ—русскомъ посланникѣ при французскомъ дворѣ) старался охладить симпатіи Александра къ Наполеону. Самъ онъ сознается, что депеши, которыя ему приходилось сочинять, не всегда говорили въ пользу союза съ Франціей и потому не нравились графу Румянцеву, этому заклятому приверженцу Наполеона“. Такъ онъ дѣйствовалъ, хотя видѣлъ, что его депешами былъ недоволенъ самъ Александръ. Меттернихъ цѣнилъ Нессельроде больше, чѣмъ Александръ. Въ своихъ мемуарахъ Меттернихъ говоритъ, что между нимъ и Нессельроде установилась дружественная связь, которая „ни разу не измѣнялась даже при различныхъ фазисахъ нашей политической жизни“. Вопреки всему направленію политики Александра и его лучшихъ помощниковъ, Нессельроде въ компаніи съ Толстымъ безъ всякаго стѣсненія требовали союза Россіи съ Австріей. (Секретное частное письмо на имя Румянцева). Изъ Парижа въ Петроградъ летѣли широковѣщательныя посланія Нессельроде о „коварномъ образѣ дѣйствій французскаго правительства относительно Россіи“; о доблестной Австріи, которая „сохранила подобіе полити-

ческаго существованія, сумѣла воспользоваться спокойствіемъ, выпавшимъ на ея долю... и создала себѣ вооруженную силу, которую можно опредѣлить въ 150,000 человѣкъ подъ ружьемъ. И вотъ, чтобы обезпечить за собой эту поддержку..., необходимо поработать теперь же". О Меттернихѣ, водившемъ за носъ нашихъ дипломатовъ, онъ пишетъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. По его мнѣнію, „австрійскій посолъ (Меттернихъ) какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ той степени довѣрія, которой требуетъ дѣло подобной важности" (рѣчь идетъ о сближеніи съ Австріей)... это человѣкъ „одушевленный любовью къ добру..., преисполненный преданности къ нашему императору" и т. д. и т. д.

Нессельроде шелъ противъ намѣреній своего повелителя и русскихъ традицій. Съ какимъ восторгомъ онъ писалъ Меттерниху о благопріятно складывающихся для Австріи обстоятельствахъ! Какъ онъ былъ радъ, когда Россія попадала, наконецъ, въ качествѣ пристяжной въ австрійскій возокъ! При восшествіи имп. Николая Павловича на престолъ, онъ далъ спеціальное порученіе русскому послу въ Вѣнѣ объявить князю Меттерниху, „что Его Величество ничего столь не желаетъ, какъ упроченія тѣсныхъ узъ, столь уже давно соединяющихъ оба императорскіе двора". Однако царствованіе Николая Павловича доставило много непріятныхъ минутъ этимъ друзьямъ. Николай I-ый раскусилъ Меттерниха, вредившаго Россіи своей мнимой дружбой и своими закулисными интригами, и положилъ нѣкоторую границу его вліянію на русскую политику. Скоро Меттернихъ къ ужасу своему увидѣлъ, что Россія не слушаетъ его, собирается воевать съ Турціей (1828—29 г.г.), и потому рѣшилъ наказать ее за ослушаніе. Но старанія его, направленныя къ тому, чтобы заставить великія державы вмѣшаться въ нашу распрю съ султаномъ, не увѣнчались успѣхомъ. Со скрежетомъ зубовъ долженъ былъ отказаться Меттернихъ отъ своихъ замысловъ и даже соврать, что Вѣнскій дворъ не злоумышлялъ противъ Россіи. За такую находчивость Нессельроде не замедлилъ сообщить своему пріятелю, что „Россія не дастъ дѣлу дальнѣйшаго хода".

Адріанопольскій миръ, кончившій турецкую войну, былъ очень не по душѣ Меттерниху, и онъ снова хлопоталъ о вмѣшательствѣ, но былъ принужденъ „отставить“. На этотъ разъ Нессельроде любовно пожурилъ своихъ друзей, давъ имъ понять, что столь задорнымъ поведеніемъ они подкапываютъ основы союза, за что, впрочемъ, скоро получилъ хорошій нагоняй отъ Меттерниха.—„Какъ! Вы были повѣреннымъ, Вы были даже двигателемъ и опорой долгихъ и полезныхъ сношеній моихъ съ покойнымъ императоромъ, и какъ же могли Вы поддаться вліянію той самой партіи, которая впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно старалась расторгнуть эту связь, служившую основаніемъ миру Европы и внутреннему спокойствію европейскихъ государствъ.?“ Нессельроде попробовалъ оправдываться, увѣряя, что онъ хвалилъ Меттерниха императору; но строгій менторъ внушительно заявилъ: „оправданіе Ваше слабо“... И русскій канцлеръ по-дѣтски долженъ былъ сознаться, что онъ, дѣйствительно, немного проштрафился. Довольный своими успѣхами Меттернихъ донесъ своему императору, что „ему удастся заставить Нессельроде раздѣлять его образъ мыслей“. Хотя Николай Павловичъ всегда недовѣрчиво относился къ Меттерниху и однажды сказалъ: „мы знаемъ на основаніи прошлаго, чего можно ожидать отъ него“, тѣмъ не менѣе австрійскій дипломатъ не ошибся. Нессельроде усиленно хлопоталъ о возобновленіи союзныхъ отношеній съ Австріей и добился своего. Свиданіе монарховъ (русскаго и австрійскаго), состоявшееся въ Мюнхенгрецѣ (1833 г.) оправдало надежды Меттерниха и старанія Нессельроде... Не одинъ, конечно, Нессельроде въ этомъ виноватъ. Были внѣшнія обстоятельства, сблизившія эти государства (революціи 1830 г.), о союзѣ хлопотали еще Орловъ и Татищевъ, но Нессельроде, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, игралъ безусловно главную роль.

Довольный Мюнхенгрецкимъ свиданіемъ Меттернихъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „я иду съ Россіей, потому что она идетъ со мной“. Такъ хорошо направлялась политика Россіи искусной рукой Нессельроде.

Когда молодой дипломатъ Горчаковъ, замѣстившій временно при Вѣнскомъ дворѣ Татищева, позволилъ себѣ усомниться въ добросовѣстномъ соблюденіи Австріей Мюнхенгрецкаго договора (въ случаѣ войны съ Турціей), то Нессельроде постарался удалить его съ занимаемой должности и надѣлить своимъ нерасположеніемъ. Однако подозрѣнія Горчакова оправдались. Въ 1841 г. Меттернихъ добился того, что державы, пославшія своихъ представителей на дипломатическій съѣздъ въ Лондонъ, согласились (по предложенію Меттерниха) относительно закрытія Дарданеллъ и Босфора и заключили конвенцію, провозглашавшую основнымъ началомъ народнаго права Европы цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. Нессельроде былъ смущенъ слишкомъ откровеннымъ недоброжелательствомъ Австріи, но все-таки не измѣнилъ политическаго курса. Медему, назначенному посланникомъ въ Вѣну на мѣсто Татищева, онъ писалъ: „Австрія, Пруссія, Россія— таковъ для насъ краеугольный камень общественнаго зданія Европы... Сознаніе этой истины, необходимость этого союза составляютъ основаніе Мюнхенгрецкихъ конвенцій: и вотъ почему, не отказываясь отъ мысли сблизиться съ Англіей, императоръ считаетъ эти акты самымъ вѣрнымъ ручательствомъ общаго равновѣсія". А Меттернихъ тѣмъ временемъ писалъ австрійскому послу въ Петроградѣ— Войну:... „въ Россіи дѣлаютъ много ошибокъ, и времена столь трудны, что лучше бы остеречься отъ нихъ... Императоръ Николай во внутреннихъ дѣлахъ придерживается политики, которая не можетъ принесть хорошихъ плодовъ". Между Россіей и Австріей назрѣвало сильное охлажденіе, что обнаружилось во время заграничной поѣздки Николая Павловича, не пожелавшаго заѣхать въ Вѣну и лишь на обратномъ пути заглянувшаго въ столицу Австріи всего на три дня. Русскій императоръ однако совершенно уклонялся отъ политическихъ разговоровъ. „Ни слова о политикѣ, я пріѣхалъ лишь для того, чтобы поговорить съ Вашей женой", сказалъ онъ Меттерниху, заговорившему было о торійскомъ министерствѣ.

Но это охлажденіе продолжалось недолго Начавшееся въ Европѣ революціонное броженіе сблизило Россію съ Австріей и заставило первую вооружиться на поддержку Австріи. Нессельроде имѣлъ возможность съ удовольствіемъ сообщить князю Меттерниху: „Австрія можетъ расчитывать на силы Россіи“... И мы уже знаемъ, что сдѣлала наша армія для раздираемой смутами „лоскутной имперіи“...

Только тотъ, кто считаетъ себя кровнымъ нѣмцемъ (родиной графовъ Нессельроде было герцогство Юлійское, отошедшее по Вѣнскому трактату къ Пруссіи), можетъ такъ настойчиво подчинять русскую политику интересамъ нѣмецкихъ державъ. Нессельроде любилъ больше Австрію, чѣмъ Россію. Онъ ненавидѣлъ тѣхъ русскихъ дипломатовъ, которые, преслѣдуя интересы своей родины, старались направить нашу политику по другому, болѣе выгодному для нея руслу. Ненавидѣлъ и добивался крушенія ихъ плановъ и удаленія съ занимаемыхъ ими постовъ. Онъ подбиралъ себѣ безвольныхъ исполнителей его злой воли съ чисто нѣмецкой аккуратностью...

Мы подробно остановились на этомъ государственномъ дѣятелѣ, такъ какъ онъ можетъ почитаться типичнымъ представителемъ слугъ русскаго государства съ нѣмецкими именами. Искусно маскируя свою дѣятельность дешевыми патріотическими подвигами, они толкаютъ государство въ коварно разставленныя иностранцами сѣти. Иностранцы смѣются, когда слышатъ имена представителей русскихъ интересовъ. А они, когда событія выкинутъ на судъ общества ихъ дѣла, когда возмущеніе широкой волной прокатится по рядамъ истинныхъ сыновъ Россіи и потребуетъ отъ нихъ оправдательныхъ документовъ, цинично крикнутъ: „да убирайтесь вы всѣ къ чорту, я васъ знать не знаю“, какъ это сказалъ недавно русскимъ, пробиравшимся въ Россію изъ Германіи, одинъ изъ чиновъ нашего дипломатическаго корпуса въ Англіи; они откажутся отъ насъ, и мы останемся безъ отвѣта, будемъ возмущаться, но дѣла уже не поправимъ. Объ опасности, которая грозила Россіи со стороны Японіи,

долго готовившейся къ войнѣ съ нами, нашъ посолъ при Японскомъ дворѣ узналъ чуть ли не послѣ открытія военныхъ дѣйствій. А сколько такихъ фоновъ обслуживаетъ интересы русскаго государства?! Имя ихъ, можно сказать, легіонъ. Конечно, есть среди нихъ добрые работники, но они составляютъ счастливое исключеніе. Большинство же—злые кормленщики, которые стригутъ наше государство до крови.

Въ моментъ такого сильнаго подъема народнаго духа, какой мы сейчасъ переживаемъ, русскій человѣкъ не можетъ удержаться отъ благихъ пожеланій насчетъ будущаго нашей родины. Она будетъ счастлива, когда перестанетъ видѣть въ своихъ предѣлахъ продажныхъ администраторовъ, наглыхъ ученыхъ, негодяевъ землевладѣльцевъ, съ помощью телефонофъ сообщавшихъ въ германскій штабъ о расположеніи русскихъ войскъ (прибалтійскіе бароны), скупающихъ земли у населенія, чтобы создать изъ нихъ аванпосты германизма (они же); фабрикантовъ, банкировъ, набивающихъ свои предпріятія иностранными подданными и т. д. Насъ увѣряли, что мы не можемъ обходиться безъ германскихъ рабочихъ и инженеровъ, что у насъ не могутъ воспитаться истинные ученые и т. д. Благородный протестъ путиловцевъ (построившихъ „Варягъ“) и инженеровъ-технологовъ южнаго района Россіи, громкія имена ученыхъ съ чисто русскими именами убѣждаютъ въ противномъ. Мы имѣемъ и своихъ благородныхъ врачей, не занимающихся ни воровствомъ, ни грабежомъ, людей гуманныхъ, имѣемъ своихъ опытныхъ финансистовъ, аккуратныхъ торговцевъ, испытанныхъ техниковъ и т. д. и т. д. Зачѣмъ намъ эти пришельцы съ моралью и повадками колбасниковъ? Мы надѣемся, что Россія очистится отъ этой саранчи, засидѣвшей, изгадившей нашу ниву и объѣвшей ее до корня. Мы убѣждены, что наше правительство не ограничится полумѣрами. Издавъ законы, приведетъ ихъ въ дѣйствіе и тѣмъ положитъ разъ навсегда конецъ нѣмецкому хозяйничанью на Руси. Тутъ мало принциповъ, нужно дѣло. Имп. Александръ III-ій освободился отъ вліянія Германіи; ввелъ въ Остзейскомъ краю общегосударственныя

учрежденія съ русскимъ языкомъ; нѣмецкій университетъ въ гор. Юрьевѣ преобразовалъ въ русскій. Но исполнителями царской воли почему то опять стали нѣмцы... Профессора русскаго университета читаютъ для русскихъ студентовъ лекціи на нѣмецкомъ яз. Нѣмецкіе студенты въ русскомъ университетѣ составляютъ особыя организаціи, куда закрытъ доступъ русскимъ; надѣваютъ на головы особые картузы, перетягиваютъ ленты черезъ плечо, задаютъ праздники въ годовщину открытія той или др. корпораціи и т. д. Всѣмъ своимъ поведеніемъ они стараются подчеркнуть, что они ничего общаго съ Россіей не имѣютъ. Нѣмецкія общественныя организаціи обѣщаютъ субсидировать университетъ, если ему будутъ возвращены нѣмецкія вольности; открываютъ школы, въ которыхъ больше всего говорятъ о „варварской“ Россіи и подчиненіи ея Германіи и т. д. И никто не научитъ этихъ нахаловъ, что ихъ долгъ защищать интересы Россіи, потому что они подданные русскаго царя.

Неужели и теперь, послѣ всѣхъ своихъ огромныхъ жертвъ, русскій народъ будетъ отданъ въ распоряженіе нѣмцевъ? Неужели они будутъ диктовать намъ свою волю?! Нѣтъ, этого не будетъ! Наши отцы и братья своею кровью заслужатъ намъ избавленіе отъ тяжелаго ига. Заря новой жизни уже занимается.

Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы отпразднуемъ побѣду надъ злобнымъ, потерявшимъ всякій человѣческій обликъ врагомъ, а вмѣстѣ съ нею получимъ растерянныя нами права.

Въ побѣдѣ мы не сомнѣваемся. Историческія судьбы державъ, съ которыми намъ приходится воевать, питаютъ нашу увѣренность въ этомъ. Надо сказать, что боевая мощь, военная подготовка враговъ неодинаковы. Это обстоятельство уже успѣло поселить вражду между сражающимися бокъ о бокъ австрійцами и германцами. Погибавшая нѣсколько разъ, спасенная Россіей отъ окончательнаго уничтоженія во время наполеоновскихъ войнъ Пруссія подъ покровомъ Россіи сдѣлала и большія земельныя приращенія и выковала хорошее войско и оружіе. За послѣдніе

десятки лѣтъ она шла отъ побѣды къ побѣдѣ. Въ 1864 г. въ союзѣ съ австрійцами пруссаки одержали побѣду надъ датчанами. Въ 1866 г. — надъ австрійцами. Этими двумя войнами Пруссія пріобрѣла себѣ первенство въ германскомъ мірѣ (Австрія была исключена изъ состава Германскаго союза), увеличила свои владѣнія королевствомъ Ганноверскимъ, курфюршествомъ Гессенъ-Кассельскимъ, герцогствомъ Нассауссскимъ, Гессенъ-Дармштадтскимъ, Франкфуртомъ на Майнѣ, Шлезвигъ-Гольштейномъ и нѣсколькими округами Баваріи, добилась образованія подъ главенствомъ Пруссіи сѣверо-германскаго союза, раздробленія южной Германіи и т. д. Въ 1870-71 г.г. она нанесла пораженіе Франціи, отъ которой оторвала Эльзасъ и Лотарингію и получила контрибуцію въ 5 милліардовъ; Прусскій король сталъ германскимъ императоромъ. Блестящія побѣды стоили германцамъ сравнительно дешево и окончательно вскружили имъ голову. О войнѣ они перестали иначе думать, какъ о молніеносномъ нападеніи и такомъ же пораженіи противника. Такъ ихъ заставили думать Садовая, Мецъ, Седанъ и др. Эта самовлюбленность и ослѣпленіе могутъ быть съ одинаковымъ удобствомъ залогомъ и большихъ побѣдъ и блестящихъ пораженій, къ чему уже обнаружила большія наклонности германская армія. Подобныя арміи сильны до тѣхъ поръ, пока побѣждаютъ, но потерпѣвъ разъ, другой неудачу, онѣ не въ состояніи долго сопротивляться.

Другой нашъ противникъ — Австрія столь же часто терпѣла пораженія, какъ Пруссія выигрывала побѣды. Послѣднее столѣтіе записало въ военную лѣтопись Австріи большія пораженія отъ французовъ—при Ульмѣ и Аустерлицѣ (1805 г.), рядъ пораженій отъ венгерской арміи во время возстанія 1848-49 г.г., два пораженія отъ итальянцевъ — при Маджентѣ и Сольферино (1859 г.) и отъ пруссаковъ— при Садовой (1866 г.) · Побѣды за это время были одержаны надъ итальянцами въ 1848 и 1866 г.г., хотя въ первый разъ благодаря искусству Радецкаго, по происхожденію чеха.

Объ эти державы послѣ Берлинскаго конгресса объединились, имѣя своею цѣлію борьбу со славянствомъ. За длительный періодъ мира нѣмцы наковали массу орудій смерти, построили цѣлую флотилію бронированныхъ судовъ, создали воздушныя эскадры цеппелиновъ, настроили крѣпостей и т. д. На военныя нужды расходовались огромныя средства (см. „Милитаризмъ Германіи“ очеркъ Денисова. Литературно-научныя приложенія къ „Нивѣ“ кн. 10-ая). За послѣдніе десять лѣтъ они подняли свои военные расходы на 7,56% (при раскладкѣ на единицу населенія), тогда какъ Россія всего на 3,39%, Англія на 1,59%, Италія на 4.90%; Австро-Венгрія, которая, въ концѣ концовъ, должна была по плану Вильгельма стать провинціей Германіи, на 2,72%, и только одна Франція на 9,90%, что отчасти объясняется тѣмъ, что населеніе Франціи почти не возрастаетъ.

Настоящая война показала уже боевую мощь нашихъ враговъ, показала и ихъ слабыя стороны. Германцы оказались вѣрны своимъ бравурнымъ маршамъ, во время которыхъ германскіе полки, натыкаясь на серьезныя препятствія, бѣжатъ назадъ быстрѣе, чѣмъ впередъ (отъ Парижа, отъ Варшавы и пр.).

Австрійцы тоже поддерживаютъ свою былую репутацію. Они искуснѣе сдаются въ плѣнъ, чѣмъ сражаются, хотя дерутся упорнѣе, чѣмъ въ былыя времена. До сего времени эти вояки ничего не могли подѣлать даже съ небольшой силами, но великой духомъ Сербіей. Недавніе союзники Австріи — итальянцы не могутъ сдержать гомерическаго хохота,— слышится порсканье зажатыхъ итальянскихъ носовъ по поводу трагикомическаго выступленія Австріи противъ Сербіи. Австрійцы очень мало измѣнились съ того времени, когда имъ помогалъ Суворовъ, поэтому интересно воспользоваться въ данный моментъ нѣсколькими словами этого геніальнаго человѣка, хорошо знакомаго съ ними. Суворовъ говоритъ, что австрійцы нерѣшительны, постоянно медлятъ, выжидаютъ. Это страшно бѣсило нашего полководца. Однажды онъ, выслушивая планъ гофъ-кригсъ-рата, долго сдерживалъ себя, потомъ при имени

гофъ-кригсъ-рата сталъ комично расшаркиваться и, наконецъ, отрѣзалъ: „не въ планѣ дѣло; въ кабинетѣ врутъ, а на полѣ бьютъ... планъ въ головѣ... Вчера появились, сегодня оглядѣлись, завтра бить врага"..., и въ заключеніе запѣлъ пѣтухомъ. Когда Суворовъ услыхалъ о пораженіи австрійцевъ (послѣ того какъ ушелъ изъ Швейцаріи), онъ говорилъ: „русскіе, не имѣя привычки къ отступленіямъ, шли впередъ и гнали врага... Славные подвиги дѣдовъ, переходя изъ устъ въ уста, будятъ и въ отдаленныхъ потомкахъ ту благородную доблесть, безъ которой самыя многочисленныя арміи безсильны и ничтожны. Живой примѣръ австрійская армія. Безъ прошлаго, безъ традицій, вѣчно бѣжавшая,—это миражъ, пустой призракъ, страшный только на бумагѣ да въ рѣчахъ дипломатовъ". До сего времени за австрійцами удержалась эта репутація; наши герои-солдатики о нихъ даже не особенно охотно и говорятъ. „Австріецъ что", обыкновенно кончаютъ они, „другое дѣло германецъ". Но и эта отрасль нѣмецкаго племени, какъ мы уже сказали, не внушаетъ намъ какихъ-нибудь страховъ. Надо помнить, что нѣмцы никогда не побѣждали русскихъ, пораженія же отъ русскихъ войскъ терпѣли неоднократно. (Мы уже говорили о побѣдахъ Александра Невскаго, Ивана Грознаго и Елизаветы Петровны). Кромѣ того, позорное поведеніе пруссаковъ внушаетъ серьезную увѣренность въ побѣдѣ. Повидимому, культура ихъ не такъ высока, какъ о ней прокричали, потому что такіе акты, какъ уничтоженіе произведеній искусства, издѣвательства и насилія надъ мирнымъ населеніемъ (даже надъ женщинами и дѣтьми), попраніе всякихъ законовъ божескихъ и человѣческихъ могутъ совершать или нравственные дегенераты или люди близкіе къ дикому состоянію. И тѣмъ и другимъ грозитъ одна участь—уничтоженіе. Но и дикарь и лишенный нравственныхъ принциповъ человѣкъ не понимаютъ безцѣльности своей борьбы и потому упорно доводятъ ее до конца, нанося противнику иногда тяжелые удары. Нѣтъ сомнѣнія, что не одна семья еще осиротѣетъ, не одинъ могильный холмикъ покроетъ прахъ нашихъ геро-

евъ, но чрезъ ихъ трупы мы придемъ въ царство мира; подъ крыломъ побѣды наверстаемъ потери, на которыя насъ такъ неразумно вызвали, переродимся, увѣруемъ въ себя, сознаемъ свое достоинство, а главное-перестанемъ преклоняться предъ ордой дикарей, которымъ слагали раньше дифирамбы.

Все это намъ принесетъ побѣда, и побѣдить мы должны, во что бы то ни стало. Не менѣе идеальныхъ побужденій для насъ въ этомъ дѣлѣ важны и реальныя соображенія. Германія, а съ нею („за хвостикъ тетеньки держась“) и Австрія ведутъ борьбу со славянствомъ и, главнымъ образомъ, съ Россіей, передовымъ бойцомъ славянства. Ихъ задача сводится къ тому, чтобы запереть для насъ выходъ изъ Чернаго моря и прогнать отъ береговъ Балтійскаго, обезсилить насъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, а потомъ отхватить у Россіи добрый кусочекъ до Зап. Двины и Днѣпра, захватить Кіевъ, Одессу и Крымъ. Къ этому они идутъ двумя путями—Австрія черезъ Балканы, а Германія чрезъ Мал. Азію. Та и другая стремятся къ одной точкѣ—Константинополю только съ разныхъ сторонъ. Сѣя постоянную вражду между славянскими народностями, заселяющими Балканскій полуостровъ, Австрія добилась здѣсь огромныхъ результатовъ, очень приблизилась къ своей цѣли. Послѣ Берлинскаго конгресса она „временно“ заняла Боснію и Герцоговину, а недавно и совсѣмъ присоединила эти области къ своимъ владѣніямъ, учитывая то обстоятельство, что Россія, ослабленная Японской войной, не посмѣетъ заявить протестъ. Балканскую войну, начатую славянами такъ прекрасно, Австрія использовала въ своихъ интересахъ. Она перессорила союзниковъ, заставила ихъ воевать другъ съ другомъ ослаблять свои силы въ братоубійственной войнѣ, а когда увидѣла, что почва подготовлена, рѣшила напасть на Сербію, выбравъ (съ согласія, конечно, Вильгельма) очень неудачный поводъ—убійство эрцъ-герцога Франца-Фердинанда. Отдай Россія эту часть славянскаго корня на растерзаніе кровожаднаго Вильгельма и его коллеги Фран-

па-Іосифа, Россія приблизилась бы къ той катастрофѣ, которую ей подготовляли любезные сосѣди. Но нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ—Сазоновъ (слава ему на многія лѣта!), человѣкъ русскій, конечно, не могъ допустить свою родину до паденія. Изолировавъ Австрію и Германію, онъ протянулъ дружественную руку Сербіи и тѣмъ поддержалъ достоинство Россіи, какъ великой державы. Напрасно Германія толкнула въ авантюру Турцію, напрасно она удерживаетъ за собою Болгарію; лебединая пѣсня нѣмецкаго міра спѣта.

Побѣдивъ Германію и Австрію, Россія вмѣстѣ со своими союзниками подпишетъ протоколъ, который отъ этихъ нѣмецкихъ державъ оставитъ одни воспоминанія. Россія объединитъ славянъ, дастъ имъ свободу и право, вернетъ подъ свое могучее крыло тѣхъ несчастныхъ братьевъ, которые злой волей судебъ попали подъ владычество презрѣнныхъ швабовъ. Надо знать, что въ Галиціи, которая должна отойти къ Россіи, живетъ нѣсколько милліоновъ русскихъ людей. Они исповѣдуютъ православную вѣру, справляютъ наши праздники, говорятъ нашимъ языкомъ, поютъ наши пѣсни, живутъ съ тѣми же обычаями, съ которыми свыклись мы. Но бѣдные тамошніе люди поставлены въ такія условія господами нѣмцами, что имъ смерть милѣе жизни. Голодные, плохо одѣтые, ютясь въ плохихъ избенкахъ, они осуждены на естественное вымираніе. Чахотка и другія болѣзни, спутники постояннаго нищенства, уносятъ славянъ тысячами. Прошло почти $1^1/_2$ вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Галиція стала достояніемъ Австріи, а русское населеніе этой области, которая справедливо носитъ названіе „Руси Подъяремной“, увеличилось на какихъ-нибудь 2%, населеніе же коренной Россіи за это время возросло болѣе, чѣмъ въ 2 раза. Русское населеніе Галиціи (а также и Угорской Руси) не принадлежитъ себѣ. Нѣмцы католики не позволяютъ русскимъ открыто исповѣдовать свою вѣру; стараются лишить ихъ своихъ храмовъ, православнаго духовенства и т. п. Русскіе люди иногда не имѣютъ возможности креститься (умираютъ

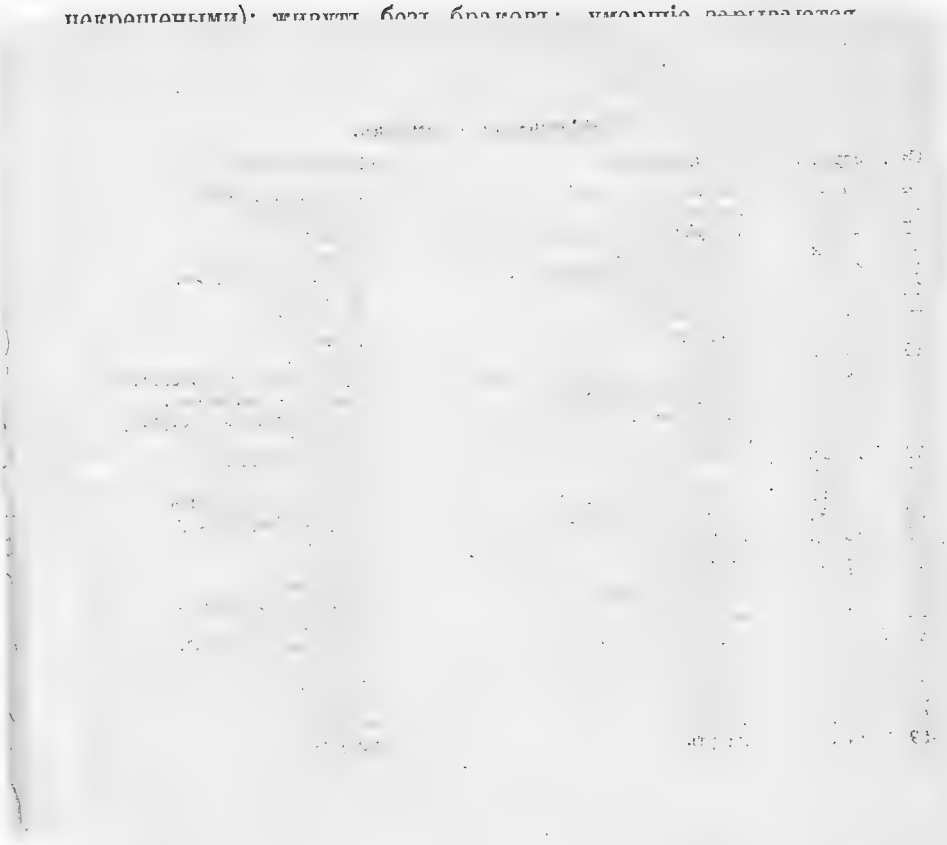
некрещеными); живутъ безъ браковъ; умершіе зарываются въ могилу безъ отпѣванія, безъ молитвы. За то, что русскіе люди просятъ себѣ православныхъ священниковъ, ихъ судятъ, отправляютъ въ тюрьмы, штрафуютъ. Нѣмцы повторяютъ ужасные опыты средневѣковья—отдаютъ церкви на откупъ иновѣрцамъ, и эти иновѣрцы не пускаютъ въ храмъ молиться безъ выкупа. На уплату податей отъ обездоленнаго населенія отбирается послѣднее—хлѣбъ, скотъ, продукты молочнаго хозяйства и т. д. Русскіе люди по цѣлымъ годамъ не имѣютъ возможности выпить чашку молока, съѣсть ломоть хлѣба съ масломъ, кусокъ мяса. Все это поѣдается „культурнымъ“ нѣмцемъ и его арендаторами. Даже хлѣба, простого ржаного хлѣба не бываетъ вволю у русскаго человѣка. Только по большимъ праздникамъ удостоивается онъ откушать ржаного хлѣба. Въ теченіе же всего года тамъ ѣдятъ овсяныя лепешки съ разной примѣсью, корни травъ, которые у насъ идутъ въ пищу скоту. Мы должны проникнуться всѣми ужасами матери, которая не имѣетъ молока накормить своего маленькаго ребенка; обратить вниманіе на то, какъ нашъ собратъ празднуетъ великіе дни Рожденія и Воскресенія Христова. У насъ обиліе бѣлаго хлѣба, у насъ молока вволю, у насъ есть мясо, бываетъ даже вино. А нашъ бѣдный сородичъ въ эти великіе дни лакомится кускомъ чернаго хлѣба. Какой подвигъ можетъ считаться выше воинскаго, который поднятъ на освобожденіе обездоленныхъ угроруссовъ и галичанъ? Мы долго ждали этого момента. Германскій міръ вызовомъ, брошеннымъ намъ съ такой гордостью, открылъ, наконецъ, двери въ родную намъ область. Теперь Россія вспомнитъ о всѣхъ обидахъ, которыя пришлось терпѣть ей и ея близкимъ отъ нашихъ враговъ. Давно уже эти „любезные сосѣди“ показывали свои кулаки по адресу Россіи, покровительницы всего славянскаго міра. Давно эти Геростраты XX-го вѣка кричатъ: „германизмъ или славянство“; давно зовутъ насъ на бой. Миролюбіе, которое свойственно русскимъ отъ верховъ до низу, много разъ побѣждало воинственные клики нѣмецкихъ буршей. Теперь Россія приняла

Замѣченныя опечатки.

Стр.	строки.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
4	1 сн.	на Югѣ и Воскокѣ	на югѣ и востокѣ.
—	2 сн.	принмавшій	принимавшій
7	14 св.	„дворѣ“	„дворѣ“,
—	9 сн.	напримѣръ не,	напримѣръ, не
11	10 сн.	Фридрикъ-Вильгельмъ	Фридрихъ-Вильгельмъ
12	6 св.	28 30 іюля	28—30 іюля
—	7 св.	со Швеціей	со Швеціей,
—	21 св.	супругу,	супругу
16	1 св.	карлѣ VI	Карлѣ VI
—	3 св.	трехъ черныхъ орловъ	„трехъ черныхъ орловъ“.
—	11 св.	Фридрихъ Вильгельмъ	Фридрихъ-Вильгельмъ.
—	25 св.	(Австрійская Императрица	(Австрійская Императрица)
—	32 св.	колицію,	Коалицію,
19	26 св.	Карла Фридриха	Карла-Фридриха
21	2 сн.	что	что,
24	6 сн.	Фридрихъ Вильгельмъ	Фридрихъ-Вильгельмъ
32	12 св.	Фридриху Вильгельму	Фридриху-Вильгельму
33	18 св.	владѣній	владѣній,
34	6 сн.	стремился:	стремился;
36	3 сн.	Кнезбека	Кнезебека
39	13 сн.	священнаго союза	„Священнаго союза“,
—	4 сн.	Меттерниха	Меттерниха,
40	3 и 6 св.	священнаго союза	„Священнаго союза“.
43	3 сн.	Россія	Россія,
44	7 сн.	окрѣпшая	окрѣпшая,
51	9 св.	Михаиль	Михаилъ.
57	7 св.	компанію	компанію,
59	14 сн.	минуть	минутъ.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

некрещеными); живутъ безъ браковъ; умершіе зарываются



можетъ считаться выше воинскаго, который поднятъ на освобожденіе обездоленныхъ угроруссовъ и галичанъ? Мы долго ждали этого момента. Германскій міръ вызовомъ, брошеннымъ намъ съ такой гордостью, открылъ, наконецъ, двери въ родную намъ область. Теперь Россія вспомнитъ о всѣхъ обидахъ, которыя пришлось терпѣть ей и ея близкимъ отъ нашихъ враговъ. Давно уже эти „любезные сосѣди“ показывали свои кулаки по адресу Россіи, покровительницы всего славянскаго міра. Давно эти Герострaты XX-го вѣка кричатъ: „германизмъ или славянство“; давно зовутъ насъ на бой. Миролюбіе, которое свойственно русскимъ отъ верховъ до низу, много разъ побѣждало воинственные клики нѣмецкихъ буршей. Теперь Россія приняла

вызовъ въ твердой надеждѣ, что первый „взявшій мечъ отъ меча и погибнетъ“. Теперь она припомнитъ, что обласканные, любезно принятые на нашей родинѣ, пользовавшіеся неоднократно услугами Россіи у себя дома нѣмцы за все платили намъ черной неблагодарностью. Часъ расплаты пробилъ. Россія приходила къ нимъ на помощь со своими императорами Петромъ III-мъ, Павломъ I-ымъ, Александромъ I-ымъ Николаемъ I-ымъ, Александромъ II-ымъ, дала имъ въ помощь вмѣстѣ съ другими великаго Суворова, а они заплатили за это безсовѣстнымъ Тугутомъ, безцеремоннымъ Меттернихомъ, злымъ геніемъ Бисмарка, низкими интригами на конгрессѣ въ Парижѣ (1856 г.) и Лондонѣ (1871 г.) Берлинскимъ конгрессомъ и т. п. И дипломаты и русскіе воины готовы были всегда притти на помощь нѣмцамъ въ критическій моментъ, но они, притворно дружески пожимая русскую руку, въ то же время старались подставить ногу,—авось споткнется Великая Россія. Но не добиться нѣмцамъ своего. Великая Россія какъ жила, живетъ, такъ и будетъ жить на радость своимъ друзьямъ и братьямъ и на страхъ врагамъ.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Цѣна 40 коп.